

ПУБЛИКАЦИИ

Г. А. Замятин

ПОСОЛЬСТВО АРХИМАНДРИТА КИПРИАНА, Я. БОБОРЫКИНА И М. МУРАВЬЁВА ИЗ НОВГОРОДА В МОСКВУ В 1615 ГОДУ

Публикуемая работа Г. А. Замятина¹ является продолжением его работ о выступлении новгородцев в 1613 г. против Михаила Романова и борьбе тех же самых новгородцев в 1614 г. против унии Новгорода и Швеции².

Этот труд о посольстве новгородцев в Москву в 1615 г. является четвертым, завершающим очерком докторской диссертации Г. А. Замятина, посвященной «истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века». Первый очерк посвящен походам шведов в Поморье в начале XVII в. (этот очерк был опубликован в Перми в 1941 г.)³. Второй – борьбе вокруг шведской кандидатуры на Московский престол в 1613 г. Третий – борьбе вокруг союза Новгорода со Швецией в 1614 г., и четвертый – новгородскому посольству в Москву в 1615 г.

Публикуемый в настоящем сборнике НИС четвертый очерк состоит из трех глав и двух приложений. Первая глава посвящена отправке посольства из Новгорода в Москву, вторая – переговорам в Москве, а третья – возвращению посольства в Новгород.

Основные источники, которые использовал автор при написании этого очерка, – акты и материалы, касающиеся пребывания новгородского посольства в Москве, были обнаружены им еще в 1912 г. в одном из московских архивов (в настоящее время они хранятся в РГАДА, в фонде 96 «Сношения России со Швецией»). Сделанные Замятиным еще

¹ См. о нем: *Коваленко Г. М.* Герман Андреевич Замятин (1882–1953) // Исторические записки. 9 (127). М., 2006.

² *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 году // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 430–489; *Замятин Г. А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // НИС. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 392–463.

³ *Замятин Г. А.* Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Ист. филол. факультет. 1941. Вып. 8. С. 47–77.

до революции 1917 г. многочисленные выписки помогли ему в дальнейшем при написании данного труда (в суровые 1930-е годы исследователь не имел возможности работать в московском архиве). В приложениях Замятин приводит две грамоты новгородцев шведскому военачальнику Эверту Горну. По-видимому, Замятин обнаружил их во время своей поездки в Стокгольм в 1915 г.

Общий объем данного труда, включая приложения, – стандартный (4 п. л.), как во многих работах Замятина.

Небольшой отрывок из третьей главы данного очерка, в котором Замятин передавал содержание тайного донесения архимандрита Киприана тихвинскому игумену Макарию, ученый пытался опубликовать в 1939–1940 гг. в НИС. Тогда это осуществить не удалось.

Сама докторская диссертация была написана Замятиным в первые два года «Пермского периода» жизни и творчества ученого, когда он стал работать профессором в Пермском (Молотовском) пединституте на кафедре всеобщей истории (с 1 сентября 1938 г.).

Уже в 1940 г. диссертация была подготовлена к защите. Экземпляр данной работы с датой 1940 г. на титульном листе хранится в личном фонде академика Е. В. Тарле в архиве Российской Академии наук в Москве⁴. Другой экземпляр диссертации находится также в Москве в личном фонде Г. А. Замятина в НИОР РГБ⁵.

В письмах академика Е. В. Тарле от 7 мая и 9 июня 1940 г. этот труд получил очень высокую оценку. Е. В. Тарле писал Замятину: «Вашу работу я прочел и нахожу её очень серьезным, добросовестным и солидным вкладом в советскую историческую науку. Это своё мнение я сообщил в ЛОИИ»⁶.

Однако защита докторской диссертации была отложена в связи с началом Великой Отечественной войны. 3 октября 1941 г. Е. В. Тарле писал Г. А. Замятину: «Ваша работа является настолько научной и серьезной, что её нужно печатать... Из-за *forse majeure* защита откладывается». Далее Е. В. Тарле утешает Замятина: «Можно ли в 1941 г. сожалеть о такой неудаче»⁷.

Защита докторской диссертации прошла в июне 1943 г. в Московском университете. В диссертации Замятин подводит итоги изучению вопроса о кандидатуре шведского королевича на московский престол. Оппонентами были академик Е. В. Тарле (первый официальный оппонент), профессора Н. Л. Рубинштейн и М. Н. Тихомиров, которые вы-

⁴ Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века. Молотов, 1940. 468 с (машинописный вариант) // Архив Российской Академии наук (Москва). Ф. 627. Оп. 5. Д. 44.

⁵ Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века // НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 2. Д. 3. 444 + 2л.

⁶ Письмо Е. В. Тарле Г. А. Замятину // НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 10. Д. 6. Л. 1–2. Документы, относящиеся к защите докторской диссертации, см.: НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Д. 6. Л. 1–29.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 10. Д. 6. Л. 4.

соко оценили работу Г. А. Замятина и признали его достойным присуждения степени доктора исторических наук⁸.

Е. В. Тарле повторил в официальном отзыве 14 июня 1943 г. свою мысль о большой ценности работы Замятина и о необходимости её публикации: «Работа Замятина заслуживает не только докторской степени, но и публикации.... Эту книгу будут читать не только специалисты»⁹.

Через полвека эти слова о необходимости публикации диссертации Г. А. Замятина повторил шведский исследователь А. И. Пересветов-Мурат в статье о новгородских дворянах, перешедших на службу шведскому королю Густаву Адольфу («русских байорах»). При этом он пишет: «Приносим искреннюю благодарность Г. М. Коваленко за любезно предоставленные выписки из этой весьма ценной работы, издание которой принесло бы большую пользу всем, кто занимается этим периодом русско-шведских отношений»¹⁰.

Только через 70 лет после защиты докторской диссертации этот труд Замятина наконец-то начал публиковаться отдельными частями именно в НИС, в Великом Новгороде, куда исследователь отправлял еще до Великой Отечественной войны свои статьи, но так и не дождался их публикации.

Эти отдельные очерки диссертации были опубликованы в НИС благодаря таким энтузиастам своего дела, как Г. М. Коваленко и А. Н. Одинокоев. Они же познакомили автора этих строк с рукописью четвертого очерка, который публикуется в этом выпуске НИС. Отдельно хочется выразить благодарность Александру Николаевичу Одинокоеву, который осуществил самую сложную подготовительную работу. Он же вел переговоры с руководством НИОР РГБ. Хочется упомянуть добрым словом Наталью Михайловну Кабанову и Галину Владимировну Срывкову, которые помогали все эти годы в работе над рукописью, в сверке непонятных мест диссертации.

Диссертация Г. А. Замятина, в том числе публикуемая ниже статья, написанная 75 лет назад, до сих пор не утратила своего научного значения. Ее публикация в Новгородском историческом сборнике – дань памяти этому выдающемуся исследователю Смутного времени. Хотелось бы, чтобы это начинание имело свое продолжение; чтобы все известные труды Г. А. Замятина были опубликованы и оказались доступными для исследователей, для всех тех, кто интересуется русско-шведскими отношениями в Смутное время, а также другими сюжетами, о которых писал в свое время Герман Андреевич Замятин.

Я. Н. Рабинович

⁸ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Д. 5. Л. 1 об, 5.

⁹ Цит. по: *Dubjeva L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Tartu, 2005. S. 519–520.*

¹⁰ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские байоры: Из материалов конференции «NOVGORODIANA STOCKHOLMENSIA». Стокгольм. Ноябрь 1997 // НИС. № 7 (17). 1999. С. 374–375.

ВВЕДЕНИЕ

Когда летом 1612 года открылись в Ярославле переговоры с послами из Великого Новгорода игуменом Геннадием, да дворянами – князем Федором Оболенским с товарищами, прибывшими на приглашение Земского собора для договора о «земском деле», то князь Д. М. Пожарский, обращаясь к посланным, с горечью заметил: «При прежних великих Государех послы и посланники прихаживали из иных государств, а ныне из Великого Новгорода вы послы; а искони, как учали быти Государи на Росийском государстве, Великий Новгород от Росийского государства отлучен не бывал»¹¹. Таким образом, уже на взгляд человека XVII века посольство из Новгорода, искони русской области, в Ярославль в 1612 году было явлением ненормальным.

Необычным явлением для Московского государства XVII в. представляется историку наших дней и посольство из того же Новгорода в Москву в 1615 году во главе с архимандритом Киприаном. Однако напрасно было бы искать детального изложения истории этого посольства в трудах исследователей. Об этом посольстве историки говорят очень кратко, не указывая порою с точностью даже времени, когда это посольство прибыло из Новгорода в Москву и когда вернулось обратно¹². Причина указанной краткости – простая: недостаток источников. Исследователи опирались на данные, сообщенные в «Новом Летописце»¹³.

Восстановить в деталях историю новгородского посольства в Москву 1615 г. представляется возможным только в настоящее время, когда удалось вновь найти актовый материал, касающийся пребывания посольства в Москве¹⁴. Эту задачу мы и попытаемся выполнить в настоящем очерке.

Мы говорим: «когда удалось вновь найти», потому что в своё время документы о посольстве известны были Н. Н. Бантыш-Каменскому, который указал точно и время пребывания посольства в Москве, из-

¹¹ Отписка Устюжан к Вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вязицкого монастыря, кн. Ф. Т. Черного-Оболенского. Список. 1612 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2, № 210. С. 266–270.

¹² *Соловьев С. М.* История России. Т. IX. М., 1885. Изд. 4-е. С. 88; *Иловайский Д. И.* История России Т. IV, вып. 2. М., 1894. С. 9; *Муравьев М. В.* Лихолетье в Новгороде // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Вып. VII и отд. изд. Новгород, 1914. С. 10–11; *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). Вып. II. Л., 1937. С. 53–72; *Лилеев В.* Шведская интервенция начала XVII в. // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 109.

¹³ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя К. М. Оболенского. М., 1853. С. 173; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 138–139.

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

вестны они были и К. Оболенскому, который подготавливал эти документы к печати, о чем свидетельствуют копии, сохранившиеся в РГАДА, но почему-то не довёл дело до конца¹⁵. После этого документы попали не на свое место и затерялись. Ни С. М. Соловьёв, ни Н. Лыжин ими уже не могли воспользоваться¹⁶.

Эти документы были переданы нами ещё в 1912 г. в Археографическую комиссию для напечатания в сборном томе «Русской Исторической Библиотеки», подготавливавшемся в печати В. В. Майковым¹⁷. В свое время документы заинтересовали С. Ф. Платонова¹⁸.

Однако, по наведенным мною в 1940 г. справкам, в Ленинградском отделении института истории Академии наук СССР – наследнике Археографической комиссии – копий документов, приготовленных к печати, не оказалось. В. А. Фигаровский, напечатавший одну грамоту из переданных нами в Археографическую комиссию, видимо, не был осведомлён о том, что документы уже подготовлены к печати.

Глава I

ПОДГОТОВКА ПОСОЛЬСТВА В НОВГОРОДЕ

В предыдущем очерке¹⁹ мы установили, что мысль об отправлении посольства из Новгорода в Москву высказана была Э. Горном Я. Боборыкину после того, как новгородцы дали отрицательный ответ на предложение унии со Швецией.

Таким образом, инициатива посольства принадлежит Швеции. Что же побуждало шведов к этому? Не будем упускать из виду, что еще из Ругодива (возможно, в октябре) отправлен был московским боярам лист Якова Делагарди, Генрика Горна и Эверта Горна с предложением указать место и срок съезда для переговоров о мире. В Москве этот лист получили 4 декабря; царь с боярами обсудил предложение 18 декабря.

¹⁵ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть четвертая (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 147.

¹⁶ *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

¹⁷ См.: Протоколы заседаний Археографической комиссии, например от 13 февраля 1917 г., п. 9 // *Летописи Занятий Археографической Комиссии* (далее – ЛЗАК). Вып. 30. Пг. 1920. С. 17.

¹⁸ См. рецензию С. Ф. Платонова на книгу П. Г. Любомирова «Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917 г.» // *Русский Исторический журнал*. Кн. 5. 1918 г. С. 293.

¹⁹ Речь идет о 3-м очерке докторской диссертации Г. А. Замятина, опубликованном в предыдущем выпуске Новгородского исторического сборника. См.: *Замятин Г. А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // *Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / Редкол.: В. Л. Янин (отв. ред.) и др. Санкт-Петербург, ин-т истории РАН, Новгород, гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Новгород, музей-заповедник. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 394–458.*

Ответ из Москвы, написанный в декабре 1614 года, был получен шведами лишь 29 января следующего года²⁰.

Такая медлительность царского правительства была не по нраву шведам. Видимо, они ищут разных путей, чтобы завязать скорее переговоры с Москвой. Удобным средством для этого оказалось посольство новгородцев в Москву. По нашему убеждению, посольство в Москву – затея шведов. Очень интересны в этом отношении показания Я. Боборыкина на тайном допросе у Б. М. Салтыкова. «А как-де ныне ево Ивет Горн отпустил из Нова города к Москве и на отпуске-де ему говорил, (чтоб) ему, Якову, тем королю послужити, послов меж государей свести о всяком о добром деле. А как-де он (Боборыкин. – Г. З.) тем послужит, послов меж государей о добром деле сведет и ссылку меж государей учинит, и король-де ево, Якова, за то пожалует великим своим жалованьем, даст ему именье в тех городех, которые король у государя отстоит»²¹.

Разумеется, официально дело было представлено иначе. Официальную шведскую версию мы находим, например, в предложении Горна новгородцам, сделанном в апреле 1615 года. Горн указывает, что он «еще по зиме нынешнего 123 (1614) году» сделал им письменный запрос о присяге королю, но в ту пору новгородцы «иные никакие достойные отповеди» ему «не учинили, толко о том били челом, чтобы... поволити к Московскому государству обослатися»; если москвичи до назначенного срока не дадут ответа, в таком случае новгородцы обязались присягнуть королю. Официальная версия приписывает инициативу посольства в Москву новгородцам, что вполне понятно, притом она связывает отправление посольства с принуждением новгородцев к присяге на имя короля; она затуманивает истинное положение дел²².

Ещё более путаную версию даёт «Новый Летописец». Сообщив о предложении «немецких» воевод новгородцам целовать крест королю, о том, что в этом отказал «им впрямь» Никифор Мещерский с товарищами (имена товарищей, например, Я. Боборыкина, летописец забывает или не хочет упомянуть), что за это воеводы велели «их за крепкие приставы роздати», словом, повествуя, очевидно, о предложении Горна в декабре 1614 г., «Летописец» прибавляет: «Видяху ж Немцы крепость и мужество Московских людей и повелеваху тем своим советником заговаривати, чтоб им послати х королю бити челом о том, чтоб поволит король сослатися с Московским государством. Те же их советники Руския люди, начаша те слова вмещати. Митрополит же Исидор, слышав те

²⁰ Ответ Ф. Мстиславского в немецком переводе сохранился в Стокгольмском архиве.

²¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

²² Предложение шведского фельдмаршала Эверта Горна новгородским земским чинам. 1615, прежде 27 мая // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 2, № 42. С. 74–75.

словеса, и посла к немецким воеводам тово ж архимарита Киприана. Немецкие ж воеводы повелеша им с Московою сослатися»²³.

В рассказе «Летописца» многое вызывает недоумение. Почему немецкие воеводы через своих «советников» сговаривают новгородцев отправить посольство к королю, чтобы тот разрешил «сослатися с Московским государством»; и потом сами велят новгородцам «с Московою сослатися»? Чем подтвердить, что митрополит Исидор послал к Горну архимандрита Киприана? Что за тенденция затуманивать роль Якова Боборыкина? Но, несмотря на тенденциозное, в общем, изображение событий, одно следует подчеркнуть у «Летописца»: он недвусмысленно говорит, что мысль об отправлении посольства в Москву внушена шведскими воеводами через своих «советников» из русских людей.

Тут не лишнее сказать два слова о симпатиях и антипатиях «Нового Летописца». Если слушать его, то выходит, что Я. Боборыкин, через которого передал мысль о посольстве Горн, является советником шведов. Не потому ли о нём замалчивает «Летописец»? В то же время «Летописец» выдвигает Никифора Мещерского и Киприана. Но разве Мещерский и Я. Боборыкин не действовали рука об руку?

На предложение отправить посольство в Москву новгородские власти реагировали немедленно. Уже 11 января 7123 (1615) года состоялся приговор об отправлении послов. Приговор сохранился. В начале приговора упоминается «Ноугороцкого государства преосвящённый Исидор митрополит и весь освящённый собор, да боярин и воевода князь Иван Никитич Большой Одоевский, и дворяне, и диаки, и дети боярские, и гости, и пятиконецкие старосты и торговые посадские и всяких чинов жилецкие люди». Таким образом, приговор необходимо считать идущим от всех слоёв новгородского общества.

На собрании 11 января «выбрали ехати от всего Ноугороцкого государства для великого божья и земского дела з грамоты к Москве Спаса Хутыня монастыря архимариту Киприану, диаку Семёну Лутохину, дворянам: Якову Боборыкину, Матвею Муравьёву, посадским торговым людям Докучаю Сласнищину и Максиму Корзихину»²⁴.

Как вели себя в это время шведы? По изображению «Нового Летописца», «Немецкие ж воеводы повелеша им (новгородцам. – Г. З.) с Московою сослатися, чтоб государь с Москвы велел сослатся послами с Свитцким королем, и начаша выбирати, ково б к Москве послати. Немцы ж и русския люди выбраша того ж архимарита Киприана да с ним дворян: Якова Бабарыкина, да Матвея Муравьёва»²⁵.

По словам летописца, выходит, что выборы послов в Москву проводились совместно и шведами и новгородцами. Едва ли было так на самом деле. Мы склонны думать, что на собрании шведы не присутствовали, но что выборы прошли под их контролем, что вполне вероятно.

²³ Новый Летописец // ПСРЛ. Т. XIV. I-я пол. СПб., 1910. С. 38.

²⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2. В дальнейшем мы будем делать ссылки не на это дело, а лишь на другие документы.

²⁵ ПСРЛ Т. XIV. I пол. С. 38.

На такое предположение наводит следующий факт: на собрании был выбран послом дьяк Семён Лутохин, но, как увидим, послом в Москву он не поехал. В Москве не встречаем также Докучая Сласницына. Почему? Разве они не пожелали сами ехать? Едва ли. По всей вероятности, на то были внешние причины – их не пустил Э. Горн. На каком основании? Относительно С. Лутохина мы не можем сказать, чтобы в 1614 году он проявлял особое тяготение к Москве, но, несомненно, что как дьяк Новгородского государства, он был человеком, осведомлённым в политических делах²⁶. Не боязь ли, что С. Лутохин передаст в Москве многое, о чем шведы совсем не желали осведомлять царское правительство, заставила их задержать С. Лутохина в Новгороде?

С большой уверенностью мы говорим о причинах задержания Докучая Сласницына. Не забудем, что в августе 1614 года Сласницын был пятиконецким старостой. Не забудем, что ему с товарищами поручено было «допросити, тотчас, не мешкая, о том в Великом Новегороде, во всех улицах и в слободах, у гостей и улицких старост, и у посадцких и жилецких и у всяких людей», хотят ли они присягать королю. Такой же опрос происходил, по свидетельству Киприана, в декабре 1614 года. Отрицательные результаты плебисцита известны. Возможно, что шведы виновниками отказа от унии считали старост, в частности Сласницына. Это, надо думать, и явилось причиной задержания Сласницына в Новгороде.

Остальным лицам, выбранным ехать в Москву, шведы не ставили преград. Приходится допустить, что это были лица, угодные шведам.

Всмотримся в эти лица. Более определенные политические фигуры представляют из них Киприан и Я. Боборькин.

Глава посольства к Карлу Филиппу в Выборг 1613 г., человек, проводивший при переговорах в Выборге сепаратистские тенденции, засвидетельствовавший там верность шведскому королевичу, – Киприан обязан был своим избранием в члены посольства в Москву больше всего, вероятно, заключаемому положению: он был единственным архимандритом в Новгороде, а по тогдашнему обычаю во главе посольства приличествовало быть именно духовному лицу; митрополит же Исидор был стар и дряхл; к тому же у Киприана был и опыт. Впрочем, надо думать, что в декабре 1614 года в настроении Киприана произошёл сдвиг в отношении Москвы: мы встречаем его подпись под челобитной царю Михаилу Фёдоровичу, выработанной тайно узким кружком новгородцев.

Если у Киприана явственно выступает шведская ориентация, то Я. Боборькина мы с полным правом можем считать сторонником московской ориентации. Отказ поцеловать крест королю в Выборге, участие в составлении отповеди Э. Горну в конце 1614 г. – начале января 1615 г., подпись под челобитной царю Михаилу, выработанной тайно

²⁶ Об участии С. Лутохина в составлении отповеди Э. Горну (см. выше) шведы, наверняка, не знали. Подробнее об этом см.: *Замятин Г. А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // НИС. Вып. 14 (24). С. 443–444 (*Я. Р.*).

кружком новгородцев, наконец, присяга в Москве царю в 1615 году – вот яркие показатели политической ориентации Я. Боборыкина; и не легко объяснить, почему шведы его отпустили из Новгорода в Москву; может быть, на этом настояли новгородский митрополит Исидор и воевода И. Н. Одоевский.

Матвея Муравьева мы также склонны причислить к сторонникам московской ориентации. Об этом свидетельствуют два факта: 1) М. Муравьев, участвуя в кружке новгородцев, выработавшем тайно челобитную царю Михаилу: под челобитной «Никольского монастыря с Глинки черной поп Ксенофонт в место сына своего духовного Матфея Муравьева руку приложил»; 2) будучи в Москве, Муравьев, как и Я. Боборыкин, присягнул царю.

Менее ясным в политическом отношении является Максим Корзихин и Иван Дмитриев. Имя Максима Корзихина встречаем в числе других посадских людей в челобитной Джону Меррику 27.XII. 1617 г. и царю Михаилу того же времени²⁷, но делать выводы на этих поздних выступлениях М. Корзихина об его ориентации в 1614 г. было бы рискованно.

Об Иване Дмитриеве ничего сказать не можем.

Сравнивая приговор 11 января 1615 г. с приговором 27 июля 1613 г. об отправлении послов из Новгорода в Выборг, замечаем, что в приговоре 1613 года Боборыкин именуется полнее: «Деревские пятины, Яков Михайлов сын Боборыкин», в приговоре 1615 года – дворянином Яковом Боборыкиным. Тут чувствуется смущение.

Поручения, данные посланным в Москву, сформулированы в приговоре нечетко. По приезду в Москву посланные должны «бити челом и плакаться» царю, чтобы он смилостивился над новгородцами, подал «руку помощи мирную», «от смерти б нам живот даровал». Вместе с тем посланные обязаны «бити челом» «митрополитом, архиепископом и епископом, архимаритом и игуменом и всему царскому синклиту и христоробивому воинству и всяких чинов людям», чтобы они были печальниками за них перед царем: пусть он освободит их «от всякого зла» «мирным постановением». Только из последних слов выясняется, что послы отправлены с целью ходатайствовать о ссылке о мире.

Рассмотрим подписи под приговором. Этих подписей всего 10; все ли эти подписи, сказать затрудняемся. Из 10 подписей подавляющее большинство (7) принадлежит духовным лицам и только 3 – светским. Из семи подписей духовных 4 принадлежат игуменам. Из них знакомым является игумен Вяжицкого Никольского монастыря Геннадий. Он был в Ярославле в качестве посланника из Новгорода, его подпись встречается и под челобитной Густаву II Адольфу 1614 г. о не приведении новгородцев к присяге. Подпись другого игумена Антоньева монастыря Павла попадает под вышеуказанной челобитной королю. Там же попадает подпись третьего игумена Клопского монастыря Вар-

²⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1617 г. № 1.

лаама. Подпись четвертого игумена Островского монастыря Ивака встречается под челобитной королю. Других лиц не встречали.

Очень интересны подписи под приговором светских лиц. Этих подписей всего три «в отца своего места князя Ивана Никитича яз, сын ево, княз Иван руку приложил. Микита Вышеславцев руку приложил. Дьяк Пятуня Григорьев руку приложил». Первая подпись свидетельствует, что в составлении приговора участвовал воевода, князь И. Н. Большой Одоевский, но, по-видимому, из предосторожности он заставил подписаться своего сына. Никита Вышеславцев был в посольстве с архимандритом Киприаном в Выборге, его подпись встречаем под челобитной королю. Подпись дьяка Пятого Григорьева встречаем под приговором об отправлении Киприана с товарищами в Выборг и под челобитной королю.

Если сравнить подписи под приговором 1615 года с подписями под приговором 25 декабря 1611 года об отправлении арх[имандрита] Никандра в Стокгольм и под приговором 27 июля 1613 года об отправлении Киприана в Выборг, невольно бросится в глаза незначительное количество их в приговоре 1615 года. Нет совсем подписей гостей и посадских людей. Любопытно и то, что имена семи подписавшихся встречаются под челобитной королю, т. е. принадлежат «советникам» (по выражению «Нового Летописца») шведов.

На основании анализа имеющихся подписей заключаем, что на собрании активно выступали Освященный собор почти в прежнем составе и часть дворян. В приговоре трудно найти показатели подъема среди новгородцев. Наоборот, в нем чувствуется какая-то боязнь. В Москве посланные указали: «а тот приговор и к государю челобитная от всего Новгородского государства, что они вчера подали бояром, писали в Нове городе митрополит Исидор и боярин князь Одоевский, утаясь от немецких людей и с ними послали к государю к Москве тайно ж». Что челобитная царю составлялась тайно, это вполне понятно, Но почему приговор писали тайно, остается неясным. Из приведённого заявления одно несомненно: собрание новгородцев в 1615 г. было немногочисленно²⁸.

Посланных в Москву снабдили грамотами. Грамоты к царю нет; имеются лишь грамоты:

1) боярам, окольниковым, чашникам, стольникам, дворянам, дьякам, «гостем и великих чинов служилым и стрелецким людям»;

2) митрополитам, архиепископам и епископам, архимандритам и игуменам и всему освященному собору.

Первая грамота опубликована В. А. Фигаровским, который подверг её анализу, правда, неглубокому и притом не свободному от фактических ошибок. В. А. Фигаровский совсем не использовал ответную грамоту московских бояр, сохранившуюся в деле в черновике. Таким

²⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2.

образом, возражения московских бояр осталось в стороне, что, по нашему мнению, недопустимо²⁹.

Познакомимся с содержанием грамоты. В грамоте не трудно заметить две части: в первой излагается история сношений с Новгородом с 1611 г. до конца 1614 г., во второй – просьба, чтобы из Москвы сослались с Эвертом Горном, и вели переговоры о мире. Историческая часть в данный момент нас мало интересует. Для нас важнее выяснить, чего добивались грамотой от бояр. Новгородцы указывают, что Эверт Горн по их челобитью «на королево имя к крестному целованью вскоре привести не велел», а разрешил с боярами «ныне ещо последнее сослатися и писать, и положил той ссылке срок нынешнего 123-го году Христов день» (Христов день, или иначе Пасха, приходилась в 1615 г. на 9 апреля). Боярам необходимо просить царя, чтобы он «до этого сроку» «обослался» со шведским королём «послы или посланники». «Ото всего Ноугороцкого государства для того великого и божьяго и земского дела» посланы в Москву «изо всех чинов люди» Киприан, дворяне Я. Боборыкин и М. Муравьёв и посадские М. Корзихин и Иван Дмитриев. Если бояре «не сошлются» с Э. Горном «до того сроку о добром деле» и «по прежнему» не отпустят посланника в Новгород, тогда новгородцы «чистыми душами» поцелуют крест Густаву II Адольфу: он за них стоит, в прошлом оборонял от всяких недругов и на будущее время «обороняти хочет». Бояре сами могут понять: «доколе мы, Ноугороцкого государства люди не будем под ведомым и стоятельным государем, кем надо нам мочно оборонным быти, и нам в миру и спокое не живати». Они пишут боярам «сие последнее о сем» (в последний раз). Если из-за бояр снова вспыхнет война («будет кровь крестьянская меж обеих государств вперед для вашего несоветия прольетца») и святыни подвергнуться разрушению, это бог взыщет с бояр: «вы, великие бояре, имянуетесь столпы земские, всегда у государя упрашиваете о мирном постановен(ь)и»; а новгородцы «от того» будут «чисты»³⁰.

Разобранная грамота называется новгородцами «большой грамотой», главной. Вместе с ней посланным из Новгорода дана была другая от митрополита Исидора к митрополитам, архиепископам и епископам, архимандритам и игуменам и ко всему освящённому собору.

Она написана «лета 7123-го генваря в 17 день», привёз её в Москву Яков Боборыкин.

Основная мысль и этой грамоты та же, что и большой грамоты. Пусть духовные лица «неотступно» напоминают и докучают царю Михаилу Фёдоровичу, чтобы он «о добром деле обослался послы или посланники» со шведским королём, или же велел своим боярам сослатися с Эвертом Горном, «чтобы учинити мирное постановление». «О сем-бо, господне отцы, – читаем в грамоте, – и подвиг нам надлежит, то наша и

²⁹ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // НИС. Л., 1937. Вып. II. С. 53–72; Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского / Публ. В. А. Фигаровский // Там же. С. 73–82.

³⁰ Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского... С. 80–82.

должная, что нам у всещедрого и человеколюбивого бога молити и просити о мире и о тишине, о вселенском устроении и о благостоянии божиих церквах (церквей? – Г. З.) и о совокуплении всех, потом и у государей благочестивых упрашивать и молити о мирном постановении, чтобы крестьянская кровь не лилась».

С точки зрения дипломатики в грамотах можно отметить некоторое своеобразие. Внимание невольно приковывают начальные строки большой грамоты: «государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Русии господам боярам»³¹. Здесь впервые новгородцы называют царя по имени, притом с дополнением «всеа Русии». Имя Михаила Фёдоровича встречается и в грамоте митрополита Исидора к московскому духовенству, но без дополнения «всеа Русии». Зато в большой грамоте нет обычного наименования челобитчиков «холопы». Митрополит Исидор не называет себя богомольцем великого князя.

Если рассматривать грамоты с точки зрения содержания, то необычной кажется проглядывающая в грамоте мысль об обязанностях бояр, с одной стороны, и духовенства – с другой, напоминающая о положении во фракции, где духовенство должно было, как говорили, молиться, дворянство – проливать свою кровь, а третье сословие – платить налоги. Странной представляется мысль, что «наперед сего при польских и литовских людех Московское государство погигло», мысль, встретившаяся нам в грамоте, привезённой Ив[аном] Филатовым в 1614 году: Едва ли можно предполагать у русских людей в Новгороде такие мысли. Но всего поразительнее готовность «чистыми душами» поцеловать крест Густаву II Адольфу, если Московские бояре до пасхи 1615 г. не взыщут «доброго посредия к мирному постановению» и не отпустят назад в Новгород посланных Киприана с товарищами³². Как примирить это с отрицательным ответом новгородцев на предложение Э. Горна присягнуть на имя короля?

Наше недоумение рассеивается, если рассмотреть процесс составления грамот. На приеме у бояр в Москве 11 февраля 1615 г. Киприан с товарищами объяснил: «отпускал их Эверт Горн, и грамоты писали в Розряде, и чернил те грамоты Иверн Горн». В. А. Фигаровский пишет: «посольство повезло грамоты к московским боярам и духовенству, отредактированные Горном». Едва ли Горн знал так хорошо русский язык, чтобы быть редактором. «Чернить» – писать начерно, составлять, «почернить» – поправлять написанное. Мы утверждаем, что грамоты составлялись шведами, а потом переписывались по-русски.

Но в таком случае, как могло попасть в грамоту имя царя, притом с добавлением «всеа Русии»? Объяснение идет к нам с двух сторон: со стороны шведов и со стороны новгородских посланных.

Густав II Адольф, осведомившись насчёт грамот, отправленных с Киприаном и другими посланными в Москву, нашёл, что в них допущена ошибка: митрополиту разрешено называться молитвенником ве-

³¹ Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского... С. 73.

³² Там же. С. 77–78, 81–82.

ликого князя, а другим – слугами (холопами?) его. Горн спешит дать объяснение. «Хотя я сначала, – пишет он королю, – согласно инструкции Вашего Королевского Величества, долго и твердо стоял на том, что новгородцы должны в этом письме называться подданными Вашего Королевского Величества, но они ни за что на это не соглашались», пока им не будет предоставлена возможность сослаться с москвичами через своих посланных или путём писем. Они согласились назвать себя подданными Карла Филиппа, но этого не мог допустить Э. Горн: ведь королевич «давно уже отказался от владычества над Новгородским Государством и все свои права» передал королю. При таких условиях Горн разрешил новгородцам «начать свое письмо так, как это сделано». По словам Горна, «никак нельзя было уговорить их совершенно исключить титул Великого Князя». Новгородцы заявили, что в таком случае «никто не решится ехать с этим письмом в Москву»; привезший грамоту без титулов «наверное, был бы оттуда отправлен в Сибирь или какое-либо другое место на вечное заточение». Горн прибавлял, что в грамотах митрополит назвал себя богомольцем Новгородского государства, но не великого князя. Равным образом никто не назвал себя в грамотах холопом великого князя, а по старому обычаю написано, что новгородцы «бьют челом или (поясняет Горн. – Г. З.) приветствуют членов Думы»³³.

Из объяснения Горна явствует, что имя царя включено в грамоты по настоянию новгородцев. Это симптоматично. Но в таком случае, почему же в грамоте митрополита имя царя написано не полностью? На этот факт бояре обратили внимание на приеме посланных в Москве. Упрекнули за это новгородцев и в ответной грамоте московские духовные лица. «Написали есте, – пишут из Москвы в Новгород, – в своей грамоте великого государя и великого князя Михаила Фёдоровича, а всеа Руси в той вашей отписке не написано, и вы то учинили неведомо каким обычаем». Посланные объяснили: «Митрополит Исидор и боярин князь Иван Одоевский и они все Эверту Горну говорили и били челом о том накрепко, чтоб написали государя всеа Руси и Иверн Горн им с тем отказал, что того слова («всеа Руси». – Г. З.) им (шведам. – Г. З.) в грамотах никак написать немочно: только им имя государя описать всеа Руси, и они (шведы. – Г. З.) уж таго Новгород совсем и без отсылки отдали». Если государя будут между собою ссылаться о мире или бояре начнут ссылаться о мире с Эвертом Горном, тогда «все доброе деле будет». Посланные указывали, что митрополит «хотел сам ийти к Иверно Горну на подворье о том бить челом, чтобы государя всеа Руси отписали», но Э. Горн, не сказавшись им, уехал из Новгорода «и они-де те грамоты так взяли поневоле».

Отметим, что слов «всеа Руси» нет и в переводе «большой» новгородской грамоты на шведский язык, приложенном к рапорту Э. Горна

³³ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. V. № 20. С. 59, 63.

королю от 25 мая 1615 года³⁴. Но в тексте «большой» грамоты на русском языке, сохранившейся в РГАДА и напечатанной В. А. Фигаровским, слова «всеа Русии» имеются. Как это объяснить? Хотя до нас сохранилась только современная копия (помета на грамоте гласит: «подлинная послана к государевым послам з жилцом з Динилом Губиным ноября в 4 ден») ³⁵, всё же предполагать в русском тексте интерполяцию нет оснований.

В ответной грамоте московские бояре упрекали новгородцев: «великого государя нашего царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Русии самодержца и многих государство государя и обладателя в грамоте своей описали просто всеа Русии и самодержцем и титулы его царскими, что ему государю бог дал по его царскому достоинству от предков его великих государей наших царей и великих князей российских не описали». Если принять наше предположение, что грамоты составлялись начерно шведами, а потом переписывались по-русски, то дело объясняется просто: при окончательном переписывании грамоты, очевидно, новгородцы без ведома шведов включили слова «всеа Русии». Возможно, что на это включение согласился и И. Н. Одоевский; митрополит Исидор послушно следовал указаниям Горна.

Итак, грамоты составлялись шведами. После этого мы не изумимся заявлению посланных на приеме у бояр в Москве, что они взяли грамоты «поневоле», «а только-б де им была в том воля, и им-бы де по что было к государю и к ним, его государевым великим боярам, з грамоты ездит? Они-б де лише приехали к государю с челобитными, а не з грамоты; а то-де все делаетца по неволе, что де грамоты писаны у Иверт Горна и даны им таковы грамоты по неволе». Мы с тем большим правом должны признать это заявление посланных в Москве искренним, что на том же приеме у бояр Киприан и Я. Боборыкин подали боярам челобитную царю. Челобитная вызывает немалый интерес.

Познакомимся сперва с её содержанием.

Указав, что царю и боярам «достаточно ведомо», что и по каким причинам произошло в Новгороде, авторы челобитной просят у царя «милостивого призрения» к ним, «бедным и пленным сиротам своим (т. е. царским. – Г. З.), до конца погибшим всякою нуждою бедою», умоляют избавить их от бед, «якож Моисей по милости божии израильтямы от египтян», умоляют освободить их «мирною своею десницею, а не обнаженным мечем». В дальнейшем, повторяя свою просьбу, авторы челобитной не указывают способа освобождения, а просят освободить их, «как... государю... бог по сердцу положит».

От кого идёт челобитная? В начале её упомянуты «государевы богомольцы из Великого Новагорода Исидор митрополит, и архимандрит, и игумены, и весь освящённый собор, да прирождённые холопи... твои,

³⁴ Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. № 20. С. 63.

³⁵ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 8 (Дело об отправлении посольства Д. И. Мезецкого для ведения переговоров со шведами в Дедерино. Роспись грамот, взятых на Свейское посольское дело).

(т. е. царские. – Г. З.) Ивашко Одоевский и дворяне, и диаки, и гости, и служилые, и торговые и все православные хрестьяне всяких чинов люди от мала до велика». Необходимо сделать вывод, что челобитная идёт от широких слоёв новгородского населения.

Как же челобитная составлялась? У нас нет данных, позволяющих точно указать, кто первый из новгородцев подал мысль о челобитной царю. Одно несомненно: челобитная составлялась не на открытом собрании, а тайно, и не все новгородские жители о ней были осведомлены. Об этом свидетельствует такой факт. Во время приема у бояр в Москве двое из посланных, Киприан и Я. Боборыкин, «поговоря» (посоветовавшись между собою. – Г. З.), «подали боярам приговор да челобитную к государю за митрополичью и Ноугородцкогo государства за печатми и ноугородцких всяких людей за руками». Бояре поручили думному посольскому дьяку Петру Третьякову взять документы и «велели были то письмо бояре себе чести (читать. – Г. З.) вслух всем. И архимандрит Киприан да Яков Боборыкин, подступи к скамье, где сидел думный диак Петр Третьяков, говорили, чтоб того письма вслух не чести». Просьба была уважена. Объяснение, почему нельзя было читать документы, посланные дали на тайном допросе. «Тот приговор и ко государю челобитную от всего Ноугородцкогo государства, что они подали боярам на казанном дворе писали в Нове городе Исидор митрополит и боярин князь Иван Одоевский, утаися от немецких людей, а с ними послали к государю в Москве утаясь тайно ж». Если о приговоре и о челобитной станет известно Э. Горну или шведам, тогда не только митрополиту и воеводе Одоевскому, но и всем новгородцам «быти в коначном разоренье и от немецких людей в посеченье». «У посадцких у ноугородцких людей, которые в Нове городе и которые ныне с нами, одна с ними мысль и челобитье; только лише и при них того приговору и челобитные вслух чести опасались, потому что они люди простые, и только государь пожалует, велит их в Новгород отпустить, и они либо спроста с кем в Нове городе промолотца, и донесетца о том немцом, и им от того, всем ноугородцом пропасти, и они на казанном дворе бояром того приговору и челобитные вслух чести не велели».

Изложенный эпизод приводит к следующим заключениям:

1) в составлении приговора и челобитной принимали деятельное участие правящие лица, митрополит Исидор и воевода И. Н. Одоевский. Это доказывается и тем, что к приговору и к челобитной были приложены две печати: налево красновосковая с изображением благословляющей руки (печать митрополита), направо – черновосковая с изгладившеюся надписью (печать Новгородского государства);

2) близкими к делу были Киприан и Яков Боборыкин; им было поручено передать челобитную.

Под челобитной сохранилось 12 подписей; все ли они, сказать трудно. Из подписей две принадлежат светским лицам, остальные – представителям черного духовенства. Двое светских, подписавшиеся под челобитной, это (идя по порядку) Матвей Муравьев (вместо него, видимо, неграмотного, подписался его духовный отец «Николского монастыря с Глинки черной поп Ксенофонт») и Яков Боборыкин, подпи-

савшийся собственноручно; он был грамотный, как свидетельствует и отповедь Э. Горну. Оба лица – члены посольства в Москву, оба – сторонники московской партии в Новгороде. Из духовных лиц первым подписался под челобитной Киприан. Это заставляет допустить крутой перелом в настроении бывшего посла в Выборг к королевичу, он потянулся к Москве. Киприан подписался «во всей братьи место и слуг» Спасского Хутынского монастыря. Кроме Киприана, под челобитной находим подпись келаря того же Хутынского монастыря, старца «Рафаилища». Видимо, архимандрит и келарь действовали солидарно. Под челобитной встречаем подпись «Николы Перекома монастыря игумена Аркада»; он подписался «во всей братьи и слуг место». Остальные подписи принадлежат «черным попам»: 1) Спасского Нередицкого монастыря, 2) Михайлова монастыря, 3) Николы Перекома монастыря, 4) Арсеньевы пустыни, 5) Воскресенского монастыря, 6) Духова монастыря; почти все они подписывались «во всей братии и слуг место».

Если сравнить подписи под приговором с подписями под челобитной, то можно констатировать, что под этими документами подписывались разные люди. Особенно бросается в глаза отсутствие под челобитной подписей игумена Вяжицкого Никольского монастыря Геннадия и Троицкого Клопского монастыря игумена Варлаама, бывших, как можно предполагать, членами освященного собора. Различие подписей позволяет высказать догадку, что приговор и челобитная составлялись не в одно время; возможно, что челобитная написана была уже после приговора, когда определился состав посольства в Москву. Да и из выбранных ехать в Москву привлекли для участия в составлении челобитной только трех: архимандрита Киприана и дворян Я. Боборыкина и М. Муравьева.

Анализ подписей под приговором и под челобитной бросает некоторый свет на настроение разных слоев новгородского общества. Приходится думать, что духовенство (подписей духовных лиц больше всего – и под приговором и под челобитной) во главе с митрополитом потянулось к Москве. Из дворян выступают (если судить по подписям) в качестве сторонников Москвы очень немногие; говорить на основании немногих данных о настроении всего класса дворян рискованно. Посадских совсем не видно. О посадских людях Киприан, Я. Боборыкин и Матвей Муравьев на тайном допросе показали, что они от поборов «стали во оскуденье и в бедности», а Горн их прельщает, обещает им «королевские денги и золотые», «и многие-де новгородские посадские слабые люди за то прельщаются». Если сравнить это показание с письмом Э. Горна королю 12 декабря 1614 г., то можно признать, что шведский фельдмаршал действительно пытался воздействовать на новгородцев, но результаты этого оказались не те, что ожидал Э. Горн. Во всяком случае, известная неустойчивость в среде посадских Новгорода едва ли может подлежать сомнению.

В итоге мы приходим к выводу, что тайное поручение посольству в Москву, сформулированное в челобитной, дано было правящими лицами из русских и небольшой группой духовенства и дворян.

Когда же посланные выехали из Новгорода? Если принять во внимание, что грамота митрополита Исидора к московскому духовенству написана «лета 7123-го (1615) генваря в 17 день», то нужно заключить, что посланные выезжали из Новгорода во второй половине января. Трудно сказать что-либо о сопровождающих посольство лицах, даже о количестве этих лиц.

Отправились посланные по дороге на Осташков и 23 января уже достигли названного города. Воевода Борис Кокорев, узнав от посланных, что они идут из Новгорода «от митрополита и ото всего освящённого собору и от боярина от князя Ивана Одоевского и ото всяких чинов людей» к царю и «к митрополитам и ко всему освящённому собору и к боярам и ко всяким людям о великом государстве и земском деле и о мирном постановенье по упрощенью немецких людей», донёс о прибывших царю, а до получения царского указа оставил их в Осташкове, приставив к ним дворян Петра Обернибесова и Василия Вильяшева. Отписка Осташковского воеводы пришла в Москву 29 января и была заслушана в Боярской Думе. Царь «приговорил з бояры» новгородских посланных отпустить из Осташкова в Москву. Навстречу посланным был отправлен стрелецкий голова Михаил Федорович Рчинов. М. Рчинову был дан особый наказ. По приезде в Осташков Рчинов должен был пойти на подворье, где находились новгородские посланные и расспросить их, от кого, к кому и с чем они посланы? К царю или «к митрополитам и к собору и к боярам и ко всяких чинов людям»? Кто их из Новгорода и для чего отпускал: «собою ли их немецкие люди для какова государева и земсково дела отпустили или об их отпуске и о посылке били челом немцом Ноугородцкокого государства митрополит и боярин и дворяне и мелких чинов люди?». С чем их к Москве отпустили? Есть ли у них грамоты и наказ? От кого какая? От кого, кому и о чем грамоты писаны? Грамоты и вообще всякое письмо предписывалось все «до одной строки» взять и прислать государю «наперед себя с резвым гонцом тотчас». После расспроса Рчинов должен был ехать с посланными в Москву, держа путь на Ржеву Володимирову, на Погорелое Городище и на Волок, ехать «усторожливо», посланных беречь «накрепко», никого к ним не допускать разговаривать, и в пути не мешкать. Не доезжая вёрст пять до Москвы, Рчинов должен был прислать с вестью и сказать о себе в посольском приказе дьякам думному Петру Третьякову да Савве Романчукову, «а не обослався безвестно в город к Москве» Рчинов не мог ехать.

Может показаться лишним, что мы останавливаемся на мелочах. Но эти мелочи свидетельствуют, что царское правительство на первых порах отнеслось к новгородскому посольству так же, как оно относилось к посольствам из чужих государств.

4 февраля М. Рчинов прибыл в Осташков, а на следующий уже день посланные отпущены были в Москву. Что касается грамот, привезённых посланными, то необходимо допустить, что они отправлены были в спешном порядке с особым гонцом: уже 7 февраля в Москве изготовлена была грамота Московского духовенства Новгородскому митрополиту и всему освящённому собору. Как видим, действуют быстро,

без обычной московской волокиты. Это следует заметить; объяснение спешки найдем позднее.

Путь от Осташкова до Москвы совершён был посланными благополучно. Правда, воевода Погорелого Городища, Андрей Пусторослев, отказался было дать подводы и провожатых для посланных, даже написал об этом царю, причём указывал: «которые, государь, уезды тянули преж сего к Погорелому Городище, Зубцовской, Старецкой уезды, и Зубцовским, государь, уездом всем нынчи ведает во Ржеве Володимирове воевода Григорий Образцов, а Старецким, государь, уездом ведает Старецкой воевода князь Никита Гагарин, и мне, холопу твоему, подвод взять не у кова, а посадские люди все разбрелис з городу к Москве и во Тверь и в Старицу и в иные города».

Отказ Пусторослева всё же не задержал путешественников. 11 февраля 123 (1615) года стрелецкий голова М. Рчинов прибыл с новгородскими посланными в Москву.

Здесь посланные помещены были в Чудове монастыре. «Государево жалованье корм, питье и ества и людем их и лошадем, конский корм дан по росписи». В качестве пристава к посланным назначен был тот же М. Рчинов; приказано было быть «с ним по переменам по сотнику да по 15 человек стрельцов».

Глава II

ПРЕБЫВАНИЕ ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ

Посланных в Москве уже ждали. В тот же день, как посланные приехали, царь указал им быть у бояр, Ф. М. Мстиславского, на Казенном дворе. Этот факт свидетельствует, что царское правительство спешило. Стоит указать, что в Выборге аудиенция новгородских посланных у королевича состоялась через день после их приезда, но в Москве им не давали ни отдыха, ни сроку. Настроение царского правительства определилось ещё до приезда новгородских посланных в Москву. Оно отразилось в ответных грамотах московского духовенства с одной стороны, бояр – с другой. В той и другой грамоте встречаются два положения: 1) царь «произволяет сослатися» со шведским королем; 2) новгородцы не должны целовать крест королю.

Когда грамоты были составлены? В описании аудиенции посланных у бояр есть такое замечание: «и того ж дни» (т. е. 11 февраля, в день приезда в Москву) царь, «говоря з бояры и слушая новгородского государства грамот, указал ноугородским посланным быти у бояр». Из этого замечания следует вывод, что грамоты рассматривались царём и боярскою Думою 11 февраля. Но на ответной грамоте московского духовенства имеется дата: «писан в великого государя нашего государстве в царствующем граде Москве лета 7123-го февраля в 7 день». Это наводит на предположение, что грамоты из Новгорода получены были

раньше. Благодаря этому царское правительство узнало, зачем приехали посланные. Надо думать, что царское правительство испугалось возможности присяги новгородцев королю; оно соглашалось на то, чтобы сослаться со шведским королём. Так складывалась для посольства благоприятная обстановка.

Не станем упускать из виду и другого момента: приезда Д. Меррика в Москву. Д. Меррик приехал с грамотой от английского короля Якова I от 19 июня 1614 г. в Москву в конце декабря того же года: уже 3 января 1615 г. царь слушал «с бояры с грамоты Аглинского Якуба короля и с пословых со князь Ивановых (т. е. Джона Меррика. – Г. З.) речей переводов»³⁶. Король поручал Меррику, «чтоб он искал мирного постановленья» между Россией и Швецией, – «слушаючи того наказу», что даст ему царь. С прибытием новгородского посольства перед царским правительством открывались широкие перспективы для переговоров о мире. Оно могло многое разузнать от новгородцев и в соответствии с новыми сведениями дать наказ Джону Меррику.

Перейдём к встречам посланных в Москве. Как уже сказано выше, первая аудиенция послов у бояр состоялась 11 февраля на казённом дворе. Войдя в палату, где сидели «по местам» бояре, посланные правили челобитье: арх[имандрит] Киприан – от митрополита и всего собора, Яков Боборыкин – от воеводы И. Н. Одоевского, от дворян, дьяков и всяких служилых и приказных людей, а Максим Корзихин, да Иван Дмитриев – от гостей, пятиконецких старост и всяких жилецких людей. В этом приветствии арх[имандрит] Киприан произнёс имя Михаила Фёдоровича уже с добавлением «всеа Русии», а митрополита Исидора назвал «его царского величества богомольцом». Равным образом произнёс имя царя с добавлением и Яков Боборыкин, а князя И. Н. Одоевского и остальных новгородцев назвал «царского величества холопами». Полагаем, что это было действительно так; если бы новгородские посланные произнесли «царское именованье» «просто», «не сполна», бояре не упустили бы случая заметить это; между тем в источниках нет и намёка на недовольство бояр.

Этот факт – произнесение новгородскими посланными имени с добавлением «всеа Русии» заслуживает внимания. Нет сомнения, что этим сразу они дали тон для дальнейших разговоров с посланными. В ответ на приветствие московские бояре в свою очередь спросили посланных, согласно этикету, о здоровье митрополита, воеводы и всех новгородцев через думного дьяка Петра Третьякова. Отвечая на вопрос, посланные произнесли опять-таки интересную фразу: «дай, господи, – сказали они, – великий государь царь и великий князь Михайло Фёдорович всеа Русии самодержец здрав был на многия лета, и вы, царского величества великие бояре»; т. е. произнесли титул согласно требованию

³⁶ Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857. Прил. № 7 (Перевод с аглинские грамоты Аглинского Якуба короля, что привез посол его князь Иван Мерик). С. 133–134.

москвичей. Шведов посланные назвали «общими недругами всего Российского государства».

После того посланным был поставлен вопрос: «с чем они и от кого из Великово Новагорода приехали, и сверх грамот, что писано от митрополита Исидора и от боярина от князя И. Н. Одоевского к ним, бояром, словесный приказ есть-ли?». Если есть, то они сказали бы. Посланные отвечали боярам, что их прислали «бити челом» царю и им, боярам, Новгородский митрополит, воевода Одоевский, «дворяне и всякие жилецкие люди всего Ноугородцкогo государства с покорным слезным рыданием», чтобы они, бояре, были у государя за них заступниками и «по их бы прошению государь учинил с шведским королём о Ноугородцком государстве ссылку и договор своею царскою мирною десницею, а не обнажённым мечем, чтоб тою ссылкой его царского величества отчина ноугородцкое государство от немецких людей свободна учинилась и была б под ево царскою высокою рукою по-прежнему без крови, а они б все его царского величества прирождённые холопы скрыты его царским милосердным призрением от немецких людей в конечном разорении и в порабощении и в посечении не были, и повелит бы государь им царского величества боярам свейского короля с бояры о миру сослатись».

Мы привели ответ посланных почти полностью. Стоит сравнить его с грамотами. Там цель посольства указана уже; боярам пишут: «и вам бы... о добром посредии меж государств попеченье имети и государю... быти бы вам ходатаем неотступно, чтоб до того предреченного сроку о добром посредии меж государств поволит бы государь вам сослатися»³⁷. О том, чтобы Новгород вновь оказался под высокою государевою рукою, нет ни слова. Посланные, стало быть, пошли дальше. Обращает на себя внимание и форма, в какой обратились посланные к боярам. И тут посланные пошли дальше. Это было подчеркнуто тогда же. Приехавший 15 октября 1615 г. из Старой Руссы к государевым послам в Осташков подьячий Григорий Нечаев передавал, со слов Якова Боборыкина, что шведским уполномоченным на съезде говорить так: «о миру и о съезде к государю к Москве воевода их, Эверт Горн, не писывал и митрополит и боярин князь Иван Одоевский и всех чинов ноугородцкие люди архимандрита Киприана и Якова Боборыкина и Матвея Муравьёва о том бити челом не посылавали, а присылали де говорить, чтобы сослаться с послы о добром деле, а не о челобитьем»³⁸.

Вернёмся к дальнейшему разговору на аудиенции. Ответ вызвал со стороны бояр добавочный вопрос: «та их нынешняя посылка учинилась из Нова города к государю и к ним, к боярам, по их ли (т. е. новгородцев. – Г. З.) прошению к немцам, которые ныне в Великом Нове городе, или их прислали немцы, и кто их из Нова города отпускал и про те грамоты, что ныне писаны от митрополита и от боярина и ото всяких

³⁷ Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского // НИС. Л., 1937. Вып. II. С. 81.

³⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 12.

людей, немецкие люди ведают ли?». Помимо этого, бояре поинтересовались, что говорил в Новгороде Эверт Горн про царя Михаила Фёдоровича, а равно и про шведского короля и про Новгородское государство?

Посланные отвечали согласно с грамотами: они приехали «по прошению и по челобитью» митрополита, воеводы и всяких людей, а отпускал их Горн. Что же касается грамот, то они написаны «в розряде, и чернил те грамоты Ивер Горн, а на отпуске им ныне Ивер Горн говорил», что ему от шведского государя дана «полная мочь, что ему о миру Московского государства с бояры сослаться и делать вечное мирное постановенье велено по тому, как учинено в Тязвине» (значит, в 1595 г.). При этом послы рассказали о попытках короля в Нарве, Эверта Горна в Новгороде привести новгородцев к присяге королю и о решительном отказе последних, упомянув, что они привезли с собою списки с предложений Горна и со своего ответа на это предложение; рассказали далее коротко об аудиенциях в Выборге у королевича, при всяком удобном случае подчеркивая склонность шведов к заключению мира; закончили указанием, что если государь начнёт с королём ссылаться, то «той ссылке уже быти мимо их», новгородцев. А что мир с Московским государством нужен шведам, в доказательство этого посланные сослались на свой приезд в Москву; если бы мир был «не надобен», тогда шведы не отпустили бы их к государю и к боярам.

Надо полагать, рассказ посланных об отпоре, данном новгородцами шведам, когда их принуждали присягнуть королю, произвёл на московских бояр впечатление. Стало ясно, что новгородцы – союзники Москвы, а не шведов. И вот бояре предложили посланным, чтобы они «правду свою всю объявили» «и тем службе своей (царю) начало показали», рассказали подробно, действительно ли шведский король хочет мириться с Московским государем, и если да, то на каких условиях? Каковы отношения у шведского короля с польским и с датским королем, мирные или нет, и если с которым-нибудь из упомянутых королей заключён мир, то как давно и на каких условиях? Словом, задали вопросы, которые интересовали Московское правительство ещё в 1614 г., как показывает рассмотренный ранее наказ Хирину³⁹.

При этом вопрос был поставлен резко: посланным предложили царю «службе своей начало» показать. Сделать это посланные не могли *in cogroge*: тайная цель посольства была известна не всем из них. Естественно, поэтому, что посланные действуют осторожно. На вопрос бояр они отвечали, что они приехали к государю «с прямыми, с чистыми своими душами», а боярам «бьют челом» «ото всего Ноугородцкого государства с слёзным радением», чтобы они упростили царя: «пусть он велит сослаться о Ноугородцком государстве без крови», т. е. цель посольства указывается уже в духе грамот. Что же касается условий, на каких желает шведский король заключить мир с Московским государством?

³⁹ См.: *Замятин Г. А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // НИС. Вып. 14 (24). С. 413–416.

рем, то об этом им знать нельзя, «потому что они у немец в великом угнетенье и в неволе», и им ничего тайного те не сказывают и с ними о «таких делех не думают и не говорят», а что они слушали на отпуске у Горна и от других шведов относительно «ссылки» и «мирного постановления», про то они рассказывают совершенно точно. Тут, «поговоря», архимандрит с Яковом Боборькиным подали боярам приговор и челобитную. Как говорилось выше, по приказанию бояр думный дьяк Петр Третьяков «письмо» принял; бояре хотели было это «письмо» прочесть вслух, но арх[имандрит] Киприан вместе с Я. Боборькиным, «поступя к скамье», где сидел Третьяков, просили «письма в слух не чести».

Бояре согласились, и, не читая письма, стали спрашивать об отношениях шведского короля к польскому и датскому. Архим[андрит] Киприан с товарищами отвечал, что с польским королём у шведского короля заключён мир на четыре года, но на каких условиях, им неизвестно. С датским королём у шведского короля войны сейчас нет, но [она] последует после того, как шведский король помирится с Московским государем.

Посланные сообщили, что Э. Горну известно о пребывании датского посланника в Москве; они прибавили, что, отпуская их, Горн говорил им: «датцкой король государя их свейского короля з государем (царём) нароком сорит (нарочно ссорит), не хотят их видети в миру». Пусть царь «датцкому королю ни в чём не верит». После заключения мира король и царь «однолично станут нынешнюю недружбу датцкому мстить».

Бояре поинтересовались затем, где теперь Э. Горн и много ли с ним людей. Посланные отвечали, что за два дня до их отъезда Горн пошёл ко Пскову и под Печёры. Бояре ухватились за это указание. Посланные говорят, что «свейской король и немецкие люди хотят с государем и с ними, бояры, о добром деле и о мирном постановенье ссылаться, а ныне они-ж сказывают, что Иверт Горн пошёл с немецкими людьми подо Псков и под Печёры войною. И то не знатное ли немецких людей лукавство и оман»? Пусть посланные «подлинно» объявят, какие намерения у шведов насчёт государевых городов?

Посланные заявили, что этого «им никак ведати было не мочно», шведы с новгородцами об этом «не думают». Новгородцы рады, «что их немецкие люди и за то не побии, что они им отказали о крестном целованье на королевское имя». А намерения шведов «по чему им ведать?» «Только б оне у немецких людей были не в неволе и были б им в силу, и оне б давно и сами всех немецких людей побии. А то им немецкие люди не в силу». Они приехали бить челом царю, чтобы он «сослался с королём о Ноугородцком государстве без крови». Если царь сошлётся с королём или велит боярам сослаться со шведскими воеводами, тогда «тою ссылкой чаять всяково доброво дела и мирново постановления».

Бояре возразили, что приличнее было шведскому королю прежде послать послов с извещением о вступлении на престол и поздравить царя со вступлением на престол, как это сделали другие государи; между тем шведский король этого не сделал; московскому же царю пос-

лов посылать было «непригоже»; раньше шведские короли ссылались с новгородскими наместниками. Посланные в ответ ничего не сказали и только повторили, что бьют царю «о своих головах, чтоб им от немец досталь в конечном разореньи не быть». Тут бояре заявили: посланные прибыли «к государю бити челом», а в грамотах царский титул написан не сполна. «Пригоже ли дело, что оне с такими грамотами приехали?». Выше мы привели объяснение посланных, как получилось, что в грамотах титул царя не был написан полностью: грамоты они взяли «по неволе». Если бы «была в том воля», то они приехали бы к государю с челобитными, а не грамотами.

В заключение бояре спросили, есть ли у посланных ещё какие дела или «приказы» и, получив отрицательный ответ, велели арх[имандриту] Киприану с товарищами идти в Чудов монастырь, сказав, что челобитье новгородцев они донесут до государя. Так при первой же встрече с московскими боярами посланные из Новгорода открыли путём передачи челобитной и в своих речах тайную цель посольства.

Как же поступает теперь царское правительство?

Речи посланных были переданы царю, а приговор и челобитная даже прочитаны. По-видимому, на следующий день царь велел дьяку П. Третьякову передать посланным через Рчинова, что он «давно о том радеет и помышляет, как бы своя искони вечная отчина Великий Новгород со всеми с ними, с своими природными богомольцы и холопи от злодеев, от свейских людей, и от такого их злого пленения и работы и скорби свободити, а ныне по их слезному челобитию наипаче о том учнёт промышляти и с бояры и со всею землею советовать, как бы их от такого зла, от свейских людей, свободити без крестьянсково кроворозлития». Пусть посланные, видя такое милосердие и заботу, расскажут всё, что слышали от Делагарди и Э. Горна и от других, что может послужить «ему, великому государю, всему его Российскому государству к чести и к повышению и великим государствам его к прибавлению и к расширению». Так как арх[имандрит] Киприан и Яков Боборыкин на приеме у бояр не позволили прочесть челобитную вслух, то бояре предположили, что посланные что-то таят и сказать всю правду не смеют. Царь предложил посланным сообщить с приставом «подлинно», устно или письменно, «кого они в том опасаютца» и, написав, прислать «за своими печатями». Тогда царь прикажет «говорить архимариту да Якову Боборыкину да Матвею Муравьёву пороз втай, чтоб того ноугородцкие мужики, которые с ними ж приехали, не ведали».

Под «мужиками», конечно, следует разуметь здесь новгородских посадских Максима Корзихина и Ив[ана] Дмитриева. Такое надменно-недоверчивое отношение царского правительства к посадским не является ли отголоском слухов, достигших до Москвы, о неустойчивости посадских людей в Новгороде?

Помимо того, посланным предписано было прислать списки с предложения Э. Горна целовать крест королю и отповеди, данной новгородцами. 12-го же февраля дьяк Петр Третьяков передал через Рчинова приказ царя посланным. Рчинов говорил с Киприаном, Я. Боборы-

киным и М. Муравьёвым «порознь» (особо). Арх[имандрит] Киприан объяснил Рчинову, почему не дозволили прочесть приговор и челобитную вслух. Мы уже передавали это объяснение. Добавим, что, по словам Киприана, среди бояр они увидели незнакомых им лиц, так как в Москве уже не бывали лет с шесть, и даже предположили, что это не думные лица. Это также [оказало] влияние на поведение посланных. Киприан предложил, чтобы о том, «на чем хочет мириться шведский король с государем», их расспросили «порознь» каждого, а они расскажут всё, что им известно. Одновременно посланные прислали требуемые у них списки с предложения Горна и ответ на него новгородцев (о них см. в 3-м очерке)⁴⁰.

На следующий день, 13 февраля, государь приказал «ближние свое царские думы боярину» Борису Михайловичу Салтыкову да думному дьяку Петру Третьякову расспросить порознь новгородских посланных «про умышления швейского короля и немецких людей», о чём посланные не решились рассказать на аудиенции ввиду того, что «многих бояр не узнали». Согласно этого приказа, посланные были 14 февраля приведены в Аптекарскую палату, где боярином Б. М. Салтыковым и дьяком П. Третьяковым был произведён допрос каждого из посланных отдельно. Надо теперь же отметить чрезвычайную важность этого допроса, в особенности речей Я. Боборыкина, знавшего «подлинно» замыслы шведов. Всем посланным были предложены одни и те же вопросы и прежде всего, конечно, «про умышление швейского короля и немецких людей». И желанье было удовлетворено.

Киприан начал с рассказа о своём пребывании в Выборге. Используя этот рассказ раньше, мы констатировали его несоответствие с действительностью. Едва ли можно считать правдивым и показание Киприана, будто шведские комиссары ещё в Выборге рекомендовали новгородским посланным писать к царю, чтобы тот помирился с шведским королём. О мире с Россией шведы заговорили после риксадага в Эребро в январе 1614 г. (см. выше). По рассказу Киприана, и Делагарди, с которым посланные встретились на возвратном пути из Выборга в Новгород, советовал, чтобы митрополит Исидор и воевода И. Н. Одоевский и всяких чинов люди посылали к царю, чтобы он помирился с королём, а если не станут посылать, тогда пусть целуют крест королю.

Если сравнить этот рассказ Киприана с тем, что передавали со слов Делагарди в Новгороде после приезда туда посланных, то увидим опять большую разницу: в записи слов Делагарди в передаче посланных совсем нет ни слова о мире между царём и шведским королём. Киприан сообщает, что сам король с посланными писал из Ругодива митрополиту Исидору и воеводе Одоевскому и всяким новгородским людям, чтобы они били челом царю о мире со шведским королём. Киприан прибавлял: «те-де и королевские грамоты одну перевели в Розряде, а иные у Монши Мартынова». Мы знаем, что из Ругодива король послал

⁴⁰ См.: *Замятин Г. А.* Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // НИС. Вып. 14 (24). С. 438–450.

в Новгород ответ на челобитную новгородцев, но в нём нет ни слова о том, чтобы новгородцы писали в Москву о мире со Швецией. Какие грамоты короля остались у Мортенссона, сказать не можем. Рассказ о попытке Э. Горна привести к присяге на имя короля 14 декабря 1614 г. об отправлении посольства в Москву, о даче послам грамот с именем царя, но без «всёя Руси», Киприан заключил следующими словами: «а как деи с ним (Горном. – Г. 3.) государевы бояра сошлютца, и тогда все будет. А много и тех статей в грамоте писано, за что государевым бояром с ним, Эвер Горном, о мирном постановеньи мочно принятца». И это – верное в основном показание Киприана о Горне – всё же представляется смягчённым.

Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков спросили: если царь пошлёт к королю посланника или гонца об опасном листе, то король пошлёт ли этот лист? Что они об этом слышали «в разговорах от Якова Пунтоса или от Иверт Горна и от иных немецких людей»? Арх[имандрит] Киприан отвечал, что король пришлёт лист тотчас же, «и сам король тому будет рад». Э. Горн говорил ему, Киприану, после того, как новгородцы отказались присягнуть королю, чтобы они посылали к Москве бить челом государю о мире, да и на соборе Горн говорил то же. Война шведам «наскучила». Тут Киприан сообщил любопытные сведения о мотивах, почему шведы начали её. Между Россией и Швецией в 1595 г. заключён был в Тязвине вечный мир, причём договорились, чтобы Московские цари не мирились ни с каким недругом, не сославшись предварительно со шведским королём. Между тем московские люди «взяли на Московское государство государем ведомого их (шведов. – Г. 3.) недруга, польского королевича». Положение шведов, благодаря этому, стало весьма незавидным. «Только б де, – рассказывал арх[имандрит] Киприан, – польский королевич завладел Московским и Новгородским государством, и им де (шведам. – Г. 3.) было самим где детца?». Вот почему они и стали против поляков и литовских людей.

Новгород они взяли у польского королевича, а Ивангород – у вора. Что же касается платы за службу царю Василию, так шведы «то взяли ныне с Нова города все». Если Новгород и другие города царю нужны, то после мира шведы их отдадут. Всё это Горн говорил Киприану, но при этом добавлял, чтобы Киприан его слова передал на Москве, как слышанные не от него, Горна.

Ответ Я. Боборыкина и М. Муравьёва по содержанию сходен с ответом арх[имандрита] Киприана, так что боярин Салтыков да дьяк Третьяков его подробно не сочли нужным даже записывать. Итак, московское правительство могло быть уверено, что шведы желают мира. Но на каких условиях шведы согласятся заключить мир? Этот вопрос и был поставлен посланным. «На какове мере, чаять, король хочет с государем мириться, и которые государевы города отдаёт, и которые отдать не похочет, и даром ли государю города поступиться, или за них чего учнет просити и сколько за которой город каких запросов чаять, и не будет ли у свейского короля о государевых городах большево упорства и о которых городах больши всего учнёт стоять и по последней мере на чем похочёт с государем мириться?».

Киприан отвечал, что им приходилось слышать и от Делагарди и от Горна, что шведы готовы отдать государю Новгород, Порхов, Ладогу и Старую Руссу; что же касается городов: Ивангорода, Корелы, Орешка, Яма, Копорья, то о них ни от Делагарди, ни от Горна ничего не слышали; равно не слышали ничего и про то, будут ли чего шведы просить у государя за эти города или нет. Подробнее ответил на вопрос Як[ов] Боборыкин. Как и Киприан, он сказал, что шведы скоро отдадут русским Новгород, Порхов, Ладогу и Старую Руссу; но зато будут стоять за Ивангород, Орешек, Ям, Копорье, Гдов; впрочем, и Орешек отдадут, а больше будут стоять за остальные из названных городов. Корелу шведы считают своею. Можно всё же ожидать, что отдадут также Ям и Копорье, а говорить будут больше всего об Ивангороде и о Гдове. Я. Боборыкин, однако, выразил надежду, что рубеж, может быть, будет тот же, какой установлен по миру в Тязвине (1595 г.). Больше всего будут говорить шведы, по словам Боборыкина, о деньгах, будут просить возместить убытки, так как они считают, что ещё царь Василий Шуйский не додал им 30 000; а что они брали с Новгорода и Новгородских пригородов, то всё они считают своим, так как Новгород принадлежит им вместе с пригородами, и они «в уплату того не считают». В заключение Боборыкин сказал, что Горн обещал ему за содействие при заключении мира с Москвою от короля награду, именно в Лифляндских городах. Як[ов] Боборыкин отказался служить королю, но из слов Горна вывел заключение, что шведы хотят отдать государю все города, мириться по Тязвинскому миру. А к миру шведы потому склонны, что опасаются, как бы московский царь не помирился «наперед литовским», тогда «им де (шведам. – Г. З.) будет и досталь пропасть». У шведов уже получена весть, что литовский король хочет мириться с московским царём, и об этом они ссылаются между собой.

Матвей Муравьёв повторил то же, что сказал Киприан. Он только добавил, что к миру с государем «сходительнее всех Яков Пунтус», что шведы хотят заключить с Москвою не перемирие, а вечный мир (король «хочет миритца на докончанье». – Г. З.). Спрошенный после этого обо Яков Боборыкин подтвердил слова М. Муравьёва, указав, что шведы хотят мириться навеки для того, «чтоб им с государем вместе на польского короля стоять».

Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков тогда спросили: дано ли Горну полномочие «мимо государя своего з бояры» чинить «мирное постановление»? Наказано ли ему королём города отдать московскому царю? Если наказано, то какие? И за какие города будет он стоять, чего просить? «На чём по последней мере велено ему делать, и не будет ли от него какво оману так же, как и Яков (Делагарди. – Г. З.) учинил над Новым городом?».

Киприан отвечал, что у Эверта Горна есть «о миру полной королевской наказ», думает, что наказано Горну отдавать и города и ссылаться с государем, но «подлинно того он не ведает». Обмана со стороны шведов ожидать нельзя, «потому что оне (послы. – Г. З.) отпущены бити челом государю и бояром по королевскому велению и по их хотенью» (т. е. по желанию шведов. – Г. З.). Шведы боятся, как бы царь

«с польским королем наперед свейсково короля не помирился». Горн приказывал с послами, чтобы царь прежде помирился со шведским королём, а с польским бы не мирился. Им подлинно известно, что у шведского короля с царём «вековой мир будет, а с польским королём у них миру никак не бывать».

Я. Боборыкин и М. Муравьёв повторили сказанное Киприаном.

Новгородских посланных спросили: английский король шлёт к шведскому своему послу для переговоров о мире. Что лучше: вести переговоры о мире со шведами при посредстве посла английского короля или без него с помощью своих посланников? Если посол английского короля (Джон Меррик) поедет к шведскому королю, то «послушает ли его (посла. – Г. З.) свейский король, на чём похочет государя с ним мирить, или не послушает?».

Киприан отвечал, что «он того не ведаёт, как лучше», но Горн говорил им: «чем де мирить государя нашего и их короля Густава сторонним государем, ино бы де меж себя самым, правды сыскав, помиритца». Горн приказывал посланным в Москву говорить там, что царь, «ешо не воцаряясь, посылал во все государства на свейского короля жаловатца, слыша от бояр»; шведскому королю из всех окрестных государств поэтому писали, что он «московскому государству неправду учинил, Новгород и иных многих города поимал». Если будут мирные переговоры вестись при посредстве других государей, то их могут поссорить: «а то б де лучше, чтоб самим обослався послы своими на обе стороны и меж себя сыскатися, хто виноватее, да и помиритца».

Горн велел Киприану об этом никому не сказывать, а говорить, что Киприан с товарищами «сами то ведают». По рассказу Киприана, Горн сообщил, что шведы сильно жалуются на отъезжающих из Новгорода к царю; эти лица, «выехав, сказывают неправду», и тем самым ссорят государей. Пусть послы этого не допустят, а говорят правду.

Я. Боборыкин про английского посла сказал, что, по его мнению, шведский король его послушает, «потому что меж себя они с английским королём в дружбе и в братстве». Он слышал и от Делагарди, и от Горна, и не раз, что для мирных переговоров между Московским государством и шведским «никоторые государи» в качестве посредников «не надобны»; «мочно де им, государям, и самим меж себя учинити». В остальном Боборыкин повторил, что было сказано Киприаном. М. Муравьёв и про Горна и про английского посла сказал то же, что и двое предыдущих.

Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков спросили, каковы отношения между шведским королём и польским и датским, заключён ли мир между ними и на сколько лет заключён?

Киприан отвечал, что шведский король помирился с польским на 4 года; об этом они слышали «от немец и от толмачей», но на чём помирились – неизвестно. Что до датского короля, то «подлинно он ведаёт», что весной между Данией и Швецией быть войне. Датскому посланнику верить не следует: «датцкой король з государем хочет свейского короля сорить». Я. Боборыкин подтвердил, что шведский король с польским помирились на 4 года, а на чём, он не знает; от датского ко-

роля «добро свеской король блюдетца»; будет ли между ними война, он не знает. Показания М. Муравьёва совпадают с показаниями Киприана и Я. Боборыкина.

Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков спросили о количестве шведского войска в Новгороде, сколько взял Горн под Псков и под Печёры, каковы намерения относительно Пскова, нет ли у Э. Горна с Псковом какой-либо ссылки? Киприан отвечал, что в Новгороде теперь «немецких всяких людей» больше 2000, точно он не знает. Эверт Горн за два дня до их отъезда в Москву, отправился из Новгорода с немецкими людьми будто бы к Порхову, потому что в Новгороде много ратных людей не прокормить, но надо думать, что «быти ему подо Псковом и под Печёры». Где он будет стоять, есть ли у него ссылка с псковичами, этого он не знает. Я. Боборыкин заявил, что всех немецких людей в Новгороде с 4000 человек. Самуил Коброн стоит у Тихвина «на Сермаксе», а войска с ним 1000 человек. Ныне он пошёл на «казачьи острошки». Есть в Новгороде слух, что шведам идти на Тихвин. Горн за два дня до их отъезда пошёл из Новгорода «украдом, не сказався никому», а с ним пошло тысячи две; «наряду» никакого он с собою не взял, «пошел скорым делом». Говорили, что в Новгороде войско не прокормить, но следует полагать, что Горну «быти... подо Псковым и под Печёры». «Большого стоянья» ожидать нет оснований: пошёл Горн «скорым делом без наряду и без запасу». Есть ли с ним у псковичей ссылка, он не знает точно, но думает, что её нет.

Я. Боборыкин прибавил к этому: Осташков – «место украинное», можно опасаться прихода шведских войск. Проезжая, они видели, что в Осташкове ратных людей мало, воевода молод, «ни в чём его не слушают и промысл его не будет». Пусть царь велит жить в Осташкове «бережно и усторожливо», чтобы не пришли к Осташкову из Старой Руссы и не причинили городу и жителям «дурна». Правитель Голландии, по словам Боборыкина, «племя» (родственник. – Г. З.) Деллагарди, часто посылает последнему и деньги, и людей. Из Голландии же и воевода «Менков» (Mönuichhofen), что стоял против государева войска на Бронницах, и тот воевода служит шведскому королю. Шведская земля «вся запустошена от воинских людей разных государств, которые в нынешнее время проходили» через Швецию, помогая шведам. На Деллагарди «немецкие люди приходят с великим шумом» за то, что он так делает: «чужие земли доступает, а свою запустошил».

Стоит отметить, что подобное рассказывал о Деллагарди и Киприан. В бытность в Выборге послы из Новгорода не раз нарочно начинали хвалить Якоба Деллагарди, указывая, что это – «боярин разумный». В ответ на это «королевичевы лутчие бояре» обычно начинали Деллагарди «лаять»: «какой де его разум? Доступая чюжие земли да свою землю всю запустошил; а что-же чюжие земли и доступал, и таже вся опять отдавать». Киприан говорил, что в Швеции Деллагарди «все не любят» за то, что «он в Московском государстве войну всчал». Рассказ М. Муравьёва опять оказался сходен с рассказом Киприана и Я. Боборыкина; его даже не сочли нужным записать.

В Новгородских пригородах, по словам посланных, войска столько: «в Ивангороде ротмистр Эверт Бремент, немецких людей с ним человек 100; русские по-прежнему живут на посаде, а в городе воевода Федор Аминев, да немцы». Аминев «целовал крест королю». В Яме – ротмистр «Тизкус», а с ним немецких людей 50 человек. В Копорье – «Ефим Берн», а людей 100 человек. Сколько людей в Орешке, не знают, но думают, что не более 50 человек. В Ладоге – воевода Григорий Исаков, а с ним немецких людей больше 200 человек. В Порхове – воевода Иван Мещерский, а немецких людей человек 100. Кто воевода в Кореле и сколько там войска, им неизвестно.

Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков спрашивали посланных: не ожидать ли весной в Новгород и в пригороды нового притока шведских ратных людей? Киприан отвечал, что они слышали от немецких людей: если царь не помирится с королём и «ссылки меж их о миру не будет», тогда Делагарди с немецкими людьми снова прибудет в Новгород. Я. Боборыкин заявил: он подлинно знает, что Делагарди приедет весной в Новгород и начнёт с московскими боярами переговоры о мире; если мира не будет, шведы начнут войну. Делагарди послал принимать 2000 человек; шведы хотят идти к Холмогорам и там «промышлять». М. Муравьёв сказал то же, что и Боборыкин.

Посланных спросили: с того времени, как Делагарди утвердился в Новгороде, и при Горне, сколько шведы взяли денег и всяких запасов с Новгородского государства и с пригородов и с уездов на подмогу ратным людям? Сколько, какого «наряду» отослано в Швецию? «Какое ноугородским людям от немецких утеснение было»? Не было ли смертных казней? Киприан с товарищами отвечали, что шведы взымали с Новгорода, и с пригородов большие поборы, «чего николи не бывало»; русским людям причиняют «утеснение всякое безмерное»; наряд и зелье отослали в Выборг, а в Швецию не посылали. Сколько чего взяли шведы, этого они точно не знают. Монастыри и церкви в Новгороде и в уездах «запустошены все», кроме Спаса Хутыня монастыря да Антоньева монастыря, «разорены и стоят без пенья». В то время, как стоял на Бронницах Д. Т. Трубецкой, шведы взяли с посада в Новгороде 44 000; а сколько собрали с митрополита, с монастырей и с уезда, они того не знают, но в Новгороде это записано; всё это станет известно царю: они вышлют письмо об этом из Новгорода.

В заключение посланным поставили вопрос: от кого в Новгороде раньше Делагарди, а теперь Горну про Московское государство «всякие вести ведомы»: из Москвы ли приезжают в Новгород или из Новгорода посылают лазутчиков? Если приезжают из Москвы, то какие люди? Не ссылается ли кто из Москвы с Горном письменно или устно? Каких людей Делагарди и Горн посылают в качестве лазутчиков, в какие города? Не посылают ли лазутчиков из Новгорода в Москву? Киприан отвечал, что лазутчики из Новгорода в Москву «всегда ходят» и возвращаются назад со всякими вестями; это – «черные мелкие люди», но по именам их не знают: «сидят они у Якова в подклете и никто к ним не ходят»; за это им дают «многие деньги».

Я. Боборыкин заявил, что и теперь Горн посылает лазутчиков из Новгорода в Осташков; надо думать, что он посылает и в Москву, но кого, по именам он не знает. Кроме того, многие приходят из Москвы и из городов «для жен» и рассказывают шведам московские вести. Я. Боборыкин указал на В. Бутурлина: в то время, как Д. Т. Трубецкой и Д. И. Мезецкий стояли у Бронниц, В. Бутурлин сообщал Делагарди всякие вести про Московское государство; об этом Делагарди им всем «вслух говорил и грамотки казал»; наверное, письма Бутурлина Делагарди покажет и «на съезде для свидетельства». Бывало: придут дворяне поутру к Делагарди «челом ударять», а он начнет их спрашивать «про московские вести»; они отвечают, что никаких вестей из Москвы не слыхали. Тогда Делагарди скажет, что пришёл к нему из Москвы или из Бронниц «из государевых полков мужик» и начнёт «про всякие московские вести рассказывать, что на Москве и в полках под Бронницами делаетца, подлинно, а мужика не покажет». Эверт Горн также про всё знает, что в Москве и по городам делается, но кто именно к нему ходит, какие люди, про это им не ведомо.

На этом допрос посланных закончился. После допроса Киприан с товарищами просили, чтобы царь митрополиту, воеводе Одоевскому и другим новгородцам «велел отписать ныне жестоко», что они «всёа Русии государя в своей грамоте не описали и иные многие непригожие гордые слова в грамоте писали» с той целью, чтобы у шведов «никакого сомнения не было и чтоб немецким людям их раденье к государю знатно не было». Сверх того, посланные «били челом», чтобы царь велел послать с ними «тайно» грамоту «с своим царским жалованьем (жалованным? – Г. З.) словом, чтоб в Новгороде всяким людям, слыша его царское милостивое к себе призрение, быти на ево царскую милость надежным»; если царь пошлёт с ними грамоту в Новгород, тогда «новгородцы всякие люди и досталь на государскую милость будут надежны и на немецкую ни на которую смуту не соблазнятца», не захотят присягать королю, «а умрут все и с сущими младенцы» за царя.

На челобитье посланных последовал ответ: царь и до приезда их из Новгорода «промышлял», как бы ему свою искони вечную отчину. Новгород, освободить от шведов, а теперь об этом «наипаче» начнет промышлять и советоваться с боярами, со всеми думными людьми и «со всею землею», как их «свободити без крестьянского кроворазлития»; что до «жаловальной» грамоты, то посылать её «страшно», как бы шведы, не узнав про грамоту, не учинили в Новгороде «конечного разоренья», а людям «смертного посеченья». Киприан с товарищами поручились, что они доведут государеву грамоту «тайно»: до Старой Руссы их обыскивать некому, а «старорушане» с Новгородом «в совете»; в Старой Руссе можно оставить, «что хотят», а потом приехать из Новгорода за грамотой и привезти её к митрополиту. Шведы никак об этом не узнают. Если грамота придёт, у новгородцев будет «на царскую милость крепкая надежда». Посланные также просили отпустить их в Новгород без задержки, чтобы из-за задержки «государственному и земскому делу порухи не учинилось»; они указывали, что митрополит Исидор «при старости и крепости отбыл», а воевода Одоевский «ныне

от немецких людей в неволе и в утесенье»; среди торговых посадских людей «много простых незнающих некрепких людей»; шведы прельщают их льготами и «золотыми деньгами» на королевское имя; если посланных задержат в Москве, в Новгороде может произойти от незнающих людей смута.

18 февраля посланные были на приеме у митрополита Казанского и Свияжского Матвея с духовенством и у бояр. Речи их были те же, что раньше на приеме у бояр «на казенном дворе». Эта аудиенция для истории посольства нового ничего не даёт; из нее видно только, что отношение к посланным уже не столь «казённое».

После того посланных снова призвали в Аптекарскую палату к Б. М. Салтыкову и дьяку П. Третьякову. Боярин и дьяк каждому из посланных особо («порознь и разводя по одному») сообщили, что речи посланных доведены до сведения царя, и царь за ту их службу «похвалит» и пожалует их своим великим царским жалованьем, как только Новгород очистится от шведов и будет под царскою властью по-прежнему; пусть они служат и прямят царю «истинным сердцем» и не прельщаются ни на какие обещания шведов. Посланные отвечали, что они рады служить царю «до конца живота своего» и даже положить за него свои головы.

Отпустив архимандрита, Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков обратились порознь к Я. Боборыкину и М. Муравьёву с предложением «ныне то свое слово к государю» сдержать, целовать крест Михаилу Фёдоровичу, поклясться в том, что они будут ему служить и прямить по-прежнему, как бывало при прежних государях. Я. Боборыкин и М. Муравьёв заявили, что делают это с радостью. Я. Боборыкин только просил, чтобы об этой присяге не сказывали архимандриту и приехавшим с ними посадским людям: те – люди простые, могут по приезде в Новгород сообщить другим; об этом могут узнать шведы и учинить над ними «дурно», а если дурна и не сделают, так будут остерегаться, не станут им ни в чём верить; тогда им будет невозможно проведать никаких вестей.

Отпустив Я. Боборыкина и М. Муравьёва, Б. М. Салтыков и П. Третьяков пригласили к себе в палату М. Корзихина и Ив[ана] Дмитриева, чтоб «их в том в сумленье не поставит». Их спросили, как в Новгороде живут «жилецкие» люди, сколько с них берут шведы денег. Допрос и ответ был короткий.

Приглашенный после того снова Я. Боборыкин просил, чтобы царь всех новгородских посланных отпускать из Москвы вскоре не велел, чтобы у шведов не появилась мысль, будто бы московские люди торопятся отпустить посланных, будто они рады миру. Пусть царь прикажет написать в Новгород шведам, что посланные «сидят на Москве в великой тесноте и с двора их никуды не пушают», у бояр они ещё не бывали, но ожидают, что бояре велят им быть у себя, ожидают «доброего дела»; пусть шведы пишут ещё о мире и о ссылке московским боярам. Так, по их мнению, «государеву делу будет лутче и к миру крепче». При этом Боборыкин добавил, что царю служат в Новгороде митрополит Исидор, воевода Одоевский, дьяк Семён Лутохин, а из дворян

Никифор Мещерский; пусть царь их пожалует, пошлёт к ним особую свою грамоту со своим «милостивым и с жаловальным словом». Б. М. Салтыков и дьяк П. Третьяков заявили, что челобитье посланных дворян они «донесут» до царя, и отпустили их на подворье.

24 февраля Яков Боборыкин и М. Муравьёв были у Б. М. Салтыкова и дьяка П. Третьякова «в мостерской палате» и принесли присягу Михаилу Фёдоровичу. В деле о посольстве сохранился текст крестоцеловальной записи. Он короче, чем напечатанный во 2-м томе ДАИ⁴¹. Но и в нём проводится мысль: «а опричь его государя на Владимирское и на Московское и на Новгородское государство и на все великие государства Российсково царствия инога государя и из ыных государств литовского и немецкого короля и королевичев и цареи и царевичей из ыных земель и из русских родов никою не хотети и государства под ним, государем, не подыскивати».

Кроме присяги верно служить царю Михаилу Фёдоровичу, Я. Боборыкин и М. Муравьёв принесли присягу и в том, что они не скажут в Новгороде, о чём спрашивали посланные бояре и что посланные слышали в Москве, вообще не станут говорить, что привело бы к ссоре со шведами, и, наоборот, будут сообщать всевозможными путями царю, что услышат у шведов про Русь.

Через день после того, 26 февраля, состоялась аудиенция послов из Новгорода у царя «в золотой в подписной палате». По государеву указу дьяк П. Третьяков заявил, что царь желает с шведским королём сослаться мирным путём, через послов, «а не кроворазлитием», а их, послов, велит отпустить в Новгород, «не задержав». После того Кириан, дворяне, посадские люди и старцы, прибывшие с посланными, были допущены «к руке», «а архимарит был у государя у руки, благославлял государя образом». Посланным сказан был П. Третьяковым «в стола место корм»; их отпустили на подворье⁴².

5 марта состоялось заседание Боярской думы. На заседании обсуждался вопрос о переговорах со шведами о мире. Чтобы приговор Боярской думы был понятен, необходимо коснуться других событий. Мы уже упоминали о начавшейся переписке между Э. Горном и московскими боярами; упоминали также о приезде в Москву Джона Меррика, который был уполномочен английским королём выступить в качестве посредника при переговорах о мире между Россией и Швецией. Таким образом, в феврале 1615 г.: 1) шла непосредственная переписка между русскими и шведами о мире, 2) переговоры можно было вести со шведами через посредника (Д. Меррика), 3) прибыло посольство из Новгорода. Предстояло выбрать наилучший путь.

⁴¹ Крестоприводная запись Белозерцев на верность службы царю Михаилу Федоровичу. 1613 г. // ДАИ. Т. 2, № 1. С. 1–3.

⁴² Ср. с этим описание принесения присяги Карлу Филиппу в Выборге. См.: *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. 10. С. 196–197. По рассказу «Нового Летописца», аудиенция новгородским посланным была дана царём «у Рожества на сенех». См.: ПСРЛ. Т. XIV. I пол. С. 139.

Не лишнее здесь осветить результаты переписки со шведами. Мы уже говорили, что в декабре 1614 г. бояре Ф. И. Мстиславский с товарищами написали ответ Э. Горну на предложение установить место и срок съезда для мирных переговоров. Ответ сохранился до нас лишь в немецком переводе. Интересно проследить впечатление от ответа у шведов. Грамоту должен был отправить в Новгород Осташковский воевода Борис Кокорев: ему послана была с Москвы образцовая грамота. «Списав слово в слово и запечатав своею печатью» её, Кокорев должен был отправить с нею в Новгород «к писарю к Монше Мартынову» Якова Епанчина. Я. Епанчин прибыл в Осташков «во 123 году генваря в 12 день». В Новгород Епанчин приехал в половине января⁴³. 9 февраля Я. Епанчин вернулся с грамотой от Горна из Новгорода в Осташков, того же числа был отпущен воеводою к царю и прибыл в Москву 14 февраля, в тот момент, когда в Москве шли расспросы арх[имандрита] Киприана с товарищами. С Епанчиным Э. Горн прислал новую грамоту. Для царского правительства приезд Епанчина имел немалое значение: представлялась возможность проверить сведения о готовности шведов к миру.

Познакомимся с расспросными речами Епанчина.

По рассказу Епанчина, из Осташкова он поехал в Старую Руссу, оттуда его направили к Порхову, но Горна в Порхове не оказалось, поэтому Епанчина отправили в Новгород. В Новгороде Епанчина привели к Горну. Последний спросил: хотят ли бояре мириться со шведами? На чём хотят мириться? «Новгород государю надобен ли, или не надобен?» Епанчин отвечал, что царь будет «Немецких городов (т. е. городов, занятых шведами. – Г. З.) доступить» и от «своей отчины (Новгорода. – Г. З.) не отступится». Ознакомившись с грамотой московских бояр, Горн забранился, ударил Епанчина и отдал его «за пристава городничему».

За приставом Епанчин просидел день, а от городничего отдали его «прохосу» (приставу). У профоса он сидел «в чеши, да в железех, раскован сверху»: добивались, нет ли с ним грамот к митрополиту Исидору и к воеводе Одоевскому. Сидел Епанчин «у прохоса день да ночь». Тут о нём узнали митрополит и воевода Одоевский. Митрополит послал к Горну игумена Антониева монастыря, а воевода Одоевский приехал сам. По ходатайству митрополита и воеводы Епанчина от профоса передали дворецкому Монса Мортенссона и велели ему давать корм, «а с

⁴³ Возвратный в Москву приезд посланного в Новгород дворянина Якова Епанчина с грамотой от бояр к шведскому воеводе Эверту Горну о размене пленных, тут же и ответ на эту грамоту о назначении съезда для прекращения войны (Донесение воеводы Осташкова Бориса Кокорева, расспрос Якова Епанчина, лист Эверта Горна к московским боярам). 1615 января 12 – февраля 14 // *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. Прил. № 13. С. 179–186. Возвратясь 14 февраля 1615 г. в Осташков, Епанчин рассказывал, что он приехал «в Новгород в четверг, тому в ныне четверг будет четыре недели». На немецком переводе грамоты московских бояр стоит помета: «ankom till Novgorden denn 29 Januarij Åhr 1615 г.» Видимо, на перевод большой грамоты потребовалось время.

Русскими людьми никакими мерами не спускали», только корм приносил ему «Новгородского старосты Куземкою зовут». Всё же как-то к Епанчину проникли «Гаврило Шаблыкин, да Иван Иванов сын Овцын, да Иван Коситцкой». От них он узнал, что во время поражения Горна под Псковом русские захватили 25 солдат. Тот же Г. Шаблыкин передал Епанчину, «то Датцкой король Свейскую землю воюет». В Осташкове Ф. И. Витовтов рассказал Епанчину, что шведы готовят лыжи, «а хотят из Старые Руссы приходить под Осташков... да и про Датцкого короля Фёдор (Витовтов. – Г. 3.) ему сказывал же, что Датцкой король Свейскую землю воюет». О польском короле Э. Горн сам говорил, что с ним шведский король помирится на три года. Про другое Епанчин ничего не узнал, потому что сидел у Горна за приставом, и к нему русских людей не пускали. Важнее расспросных речей оказалась грамота Горна от 4 февраля 1615 г., привезённая Епанчиным. В ней Горн недвусмысленно заявлял, что король ему, Эверту Горну, затем Есперу Андерссону и Монсу Мортенссону «полную мочь дал и приказал» с полномочными послами царя договориться о месте съезда для переговоров о мире; он желал знать, кто будут из русских послами, в какое время и в каком месте быть съезду. Отметим, что имя московского царя в грамоте не упоминалось⁴⁴.

Обратимся теперь к приговору Боярской думы.

На заседании 5 марта 1615 г. решено было, что бояре «наперед» пошлют «от себя гончика с грамотою» к Горну, «после того гончика приговорил государь отпустить в Новгород» посланных – Киприана с товарищами, и уже напоследок отпустить в Швецию Джона Меррика.

Грамота московских бояр Горну сохранилась в черновом виде. Она датирована 5 марта и послана с Яковом Епанчиным. В начале её бояре сильно укоряли Горна за неупотребление им надлежащих форм при изложении титула бояр, но в конце всё же сообщали, что царь решил послать уполномоченных на съезд со шведскими комиссарами, просили уведомить, когда съезжаться, есть ли у шведов «верющая грамота»; если нет, пусть списываются с королём, чтобы тот прислал «верющую и опасную грамоты»; наконец, просили сказать, сколько человек шведы намерены отправить для переговоров.

Грамота московских бояр, отправленная с Епанчиным 5 марта 1615 г. Горну, была доставлена в Новгород ещё до 21 марта, до приезда новгородских посланных⁴⁵.

⁴⁴ Грамота Горна в русском переводе напечатана у Лыжина. См.: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор... С. 182–186. В тексте имя одного шведского уполномоченного стерлось. Восстанавливаем его по инструкции короля от 4 октября 1614 г. См.: Сборник НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. № 14. С. 40.

⁴⁵ Грамота сохранилась в РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2. О получении грамоты см. в грамоте Э. Горна московским боярам 21 марта 1615 г. См.: *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлечённых из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. № 3. Юрьев, 1896. № 5. С. 22 (Отношение шв. генерал-фельдмаршала Эверта Горна в Боярскую думу на имя князя Федора Ивановича Мстиславского в г. Москву. 1615. 21 марта).

Вернемся теперь к посольству из Новгорода. Оно выполнило свою роль в Москве. Уже 7 марта приготовлена была царская грамота в Новгород. В грамоте сообщалось, что царь изъявляет согласие сослаться с шведским королём через послов, «как будет пригоже». Пусть новгородцы надеются на царскую милость. На следующий день (8 марта) новгородские посланные были «в меньшей в золотой палате у властей и у бояр на отпуске в ответе». Ответ «ото властей и от бояр» давал дьяк П. Третьяков. «Изговоря ответ речью», он дал посланным «против того ответу письмо».

Ответ дошёл до нас в черновом виде. Это была официальная грамота бояр, посланная со всеми новгородскими посланными. Писана грамота «жестоко», как советовали посланные. Она представляется весьма интересной, как документ, отражающий русскую точку зрения, как возражение на грамоту, привезённую новгородскими посланными в Москву. Изложив историю сношений с Новгородом об избрании в цари шведского королевича, ссылки с Д. Т. Трубецким, когда он стоял у Бронниц, ответ на историю попыток шведов склонить новгородцев к унии со Швецией, предложение сослаться с Горном через послов, бояре заявляют, что им «непригоже» было даже принять грамоту: в начале её новгородцы царя «описали просто всеа Русии», а «самодержцем и титулы его царскими» не описали, хотя все окрестные государи, не говоря уже о боярах, описывают имя царя и титулы по его достоинству; в противоположность этому шведского короля и его подданных новгородцы превозносят и величают не по их достоинству. Однако, несмотря на такие грубости и невежество новгородцев, царь велел боярам написать ответ.

Что до сношений из-под Москвы и из Ярославля о шведском королевиче, то бояре заявляют, что это «уж дело бывшее». Ссылались с новгородцами потому, что то «нимало, не посидев в осаде в Каменном городе и не обослався з бояры и воеводы под Москву так учинили и на всю Яковлеву (Делагарди. – Г. 3.) «волю дались». «Как было такое великое дело без совету великого Росийского государства зделати? Такое великое дело далаетца с совету всей земли всяких людей».

Новгородцы напоминают о грамоте, привезённой Богданом Дубровским. Бояре из Москвы отвечают: «мы к вам против того с Богданом же писали, что нам такова великого государственного и земского дела, не обослався и не учиняя совету и договору со всею землею всего Росийского царства со всякими людми от мала и до велика учинити не мочно».

Бояре рассказывают, что они писали во все города и велели быть из всех городов к Москве «изо всяких чинов людей» по 10 человек. После отъезда Богдана Дубровского выборные собрались в Москве. Они советовались «о государьском обиранье» «по многие дни» в Успенском соборе. При этом выяснилось, что «неправдою и обираньем польского королевича» разорились Москва и иные места, а обираньем шведского королевича разорены Новгород с пригороды. К тому же шведский король Карл сам писал во многие города, чтобы московские люди «польского королевича и иных ни ис которых чужих государств не изби-

рали», а выбрали бы царём «из Росийского ж государства родов, кого... бог даст». И вот по воле божией избрали царём Михаила Фёдоровича сына Фёдора Никитича Романова–Юрьева, который является племянником Анастасии Романовны, супруги царя Ивана IV.

Пишут новгородцы, будто по их челобитью Делаярди побивал во многих местах литовских людей, что послужило на пользу Московскому государству, но ведь бояре новгородцам просить об этом Делаярди не приказывали: «как хотели есте, так с ним и делали»; бояре помощи от Делаярди [не видели], а московским людям [Делаярди] не чинил «помехи» потому, что был не в силах. Какое зло он смог причинить московскому государству, то он сделал: в то время, как бояре с ратными людьми стояли под Москвою против польских и литовских людей, Делаярди «Новгород, Ивангород и иные новгородские места, оплоша оманом за крестным целованьем взял»; если бои с литовскими людьми у Якова и были, то Делаярди тут стоял за себя, а не москвичам «помощь чинил».

Новгородцы пишут, что они посылали к боярам в Москву многих посланников, но бояре последних обратно в Новгород не отпустили, а засадили в тюрьму и «порознь... в бедность сослали». Бояре этому удивляются: ведь новгородцы знали, что по воле бога царём стал Михаил Фёдорович, и всё же прислали к боярам «о том же безделье», о чем присылали «без государя». Этого не только делать и говорить, даже слушать не годится. Боярам представляется, что новгородцы «отбыли» православной христианской веры «греческого закона». Присланные из Новгорода люди – игумен с дворянами – сами не захотели возвратиться, а «в заточенье» их не рассылали, хотя они и заслуживали царскую опалу.

Новгородцы пишут, что от государевых ратных людей в Новгородском уезде пролилась «многая крестьянская кровь» и от похода Д. Т. Трубецкого с ратью под Новгород также произошло кровопролитие. Но кровь лилась в Новгороде и в новгородском уезде «от Якова Пунтусова и от немецких людей».

Делаярди, по словам новгородцев, рассказывал им, что к нему писал Д. Т. Трубецкой «многие непригожие и раздражительные статьи», писал, что на Москве воцарился Михаил Фёдорович. Этого Делаярди «в прямое дело» не ставил; прежде был обычай таков: как выберут государя на царство, так об этом извещают окрестные государства. Михаил Фёдорович шведского короля о своём избрании не известил, и бояре не известили ни Делаярди, ни новгородцев.

Бояре заявляют, что они писали Делаярди об его неправдах, которые известны даже в окрестных государствах, писали, чтобы он вышел из Новгорода и его пригородов с ратными людьми в Швецию. Царь Михаил Фёдорович известил о своём венчании на царство все великие государства, не только христианские, но и мусульманские, и из этих государств в Москву приехали послы. Яков – король английский – послал Джона Меррика; ему велено ехать из Москвы к шведскому королю, чтобы содействовать заключению мира между московским государством и Швецией. Посылать весть о воцарении шведскому королю царю Михаилу было «непригоже»: новгородцы сами знают, что швед-

ские короли прежде ссылались только с новгородскими наместниками. К тому же Густав II Адольф воцарился недавно, царю неизвестно даже, короновался он или нет. Следовало бы Густаву Адольфу наперёд известить московского царя. Если бы в Швеции правил Карл IX, тогда, конечно, царь послал бы известить его о своём избрании в цари. С Делагарди ссылаться об этом боярам было «нечево»: «Яков Пунтусов московскому государству грубник»; «а вы, – обращаются бояре к новгородцам, – от нас отстали своим нетерпением и слабостью и делали есте всё по Яковлеву велению, а ныне делаете по Ивер-Горнову».

Новгородцы писали Д. Т. Трубецкому с Василием Молотеиным и с Ив[аном] Филатовым, чтобы он с войском, «не обослався» с Делагарди о добром деле, не подходил близко к Новгороду; на это Д. Т. Трубецкой будто бы отповеди не дал, а послал в Новгород Андрея Хирина и с ним отпустил Ивана Филова с грамотой, но в этой грамоте Д. Т. Трубецкой будто бы возвёл на новгородцев много обвинений и подошёл близко к Новгороду. Бояре заявляют, что Трубецкой много раз писал Делагарди, чтобы тот с войском вышел из Новгорода и из новгородских пригородов в Швецию, но Делагарди грамот не послушал и войско не вывел. Поэтому Трубецкой и пришёл к Бронницам, чтобы очистить Новгород от шведов. Как новгородцы отпустили из города Андрея Хирина с грамотой к боярам, так бояре били челом царю, чтобы царь велел своим ратным людям отступать от Новгорода.

Новгородцы указывают, что из Новгорода дворяне и дети боярские отъезжали в государевы полки. Это понятно: дворяне и дети боярские знали, что в Москве царем стал Михаил Фёдорович, а отцы, дети и они сами «искони вечно служили» русским царям, а не немцам; «а вы ныне, забыв свою природу, служили Якову Пунтусову, а ныне служите Эвет Горну, и ходите все по их воле».

Пишут новгородцы, что Горн принуждает их целовать крест королю, а они просили его разрешить им сослаться с московскими людьми. Разрешение было дано. Горн дал сроку – «Христов день» (Пасха). Если до этого срока ссылки не будет, новгородцы поцелуют крест королю. На это бояре отвечают: нам грамоты даже принимать было «непригож», «за тем вашим непостоянством, что после велика дня Христова хотите крест целовати свейскому и хотите вперед (быти) под свейским государством, как Лита (Литва. – Г. З.) к Полше». Но они, несмотря «на такое безделное письмо», упростили у царя милости, чтобы он сослался с шведским королём «послы своими или посланники о мирном договоре», а новгородских посланников – Киприана с товарищами – отпустил в Новгород. Бояре удивляются «малодушью и некрепости» новгородцев. Если ссылки до «Велика дня» не будет, они хотят целовать крест королю и быть вперед «под Свейскою коруною». Подобные слова и слышать стыдно. «Аль вы прямо отбыли наши истинные православные крестьянские веры греческаго закона и своего христианского приождения забыли?» Известно ведь новгородцам, что «Ноугородское государство было с Свейским королевством всегда было в ровенстве с новгородскими наместниками». А теперь новгородцы хотят «быти под свейским государством». «Хто вашему такому

суетному и непостоятельному житию не подивитца?» Бояре, окольные, дворяне и всякие ратные люди царю Михаилу поклялись, что им «всем за его царские отчины и города, которые в безгосударное время поимали за крестными целованьи польские и литовские и свейские люди, против их стояти крепко и неподвижно, и их его царского величества города доступати и битися за них до смерти и не единые пяди земли никому его царские отчины не поступыватца».

Бояре сообщают, что в 123 (1615 г.) году писали из Польши царю и о мире и о том, чтобы стоять «на свейского короля заодин». По приказу царя на съезд с польскими послами из Москвы отправлен Федор Желябужский. Писал царю и датский король, предлагая «на свейского стоять вместе заодин». В дружбе с царём находится и Крымский хан. «Недруга ныне, – говорят бояре, – государю нашему опричь Сvei нет никого». Бояре убеждают новгородцев стоять в православной христианской вере греческого закона «крепко и неподвижно» и от Московского государства не отступаться; они указывают, что о ссылке Горну написано с Киприаном и его товарищами.

Помимо ответной грамоты от бояр, новгородские посланные повезли грамоту от московского духовенства митрополиту Исидору и всему освященному собору. Грамота написана в Москве «лета 7123 (1615 г.) февраля в 7 день». В грамоте, отличающейся цветистостью, снабженной цитатами из священных книг, освещены три вопроса:

1) московское духовенство укоряет новгородских митрополита Исидора и освященный собор за то, что они в своей грамоте царское имя Михаила Фёдоровича пишут не полностью. Указав, что «все великие государи» описывают царское имя по достоинству, духовенство прибавляет: «ещё окресные великие государи его царское именованье выславляют и честно описуют, колми паче вам, искони вечным и прирожденным богомольцом, подобает его праведного государя нашего достойное именованье описывати и выславляти»;

2) московское духовенство сообщает, что по челобитью новгородцев они советовались с государевыми боярами и со всею думою, а после совета просили царя сослаться со шведским королем о «мирном постановении послы своими или посланники», и царь согласился на это;

3) московское духовенство всемерно убеждает новгородских духовных лиц не присягать шведскому королю и уговаривать других не делать этого. Приведены ряд примеров стойкости. Из этих примеров один весьма любопытен. Евреи, побеждённые Титом, все умерли, но не признали господином римского императора. Если уж евреи показали себя настолько твердыми, «колми же паче подобает не евреям, но православным крестьяном за сие пострадати еж целовати крест чюждому и иноверному государю мимо своего природного». Московское духовенство спрашивает: «Где убо ваше и всех православных крестьян Новгородского государства прежнее мужество и крепость и на врагов креста Христова на безбожных агарян и против германского роду крепкое стоянье и одоление, еж бысть во дни первыя?».

9 марта архимандрит Киприан, Я. Боборыкин и М. Муравьёв были «в Посольской палате» у П. Третьякова. Тот вручил им грамоту от царя

митрополиту Исидору, воеводе Одоевскому, дворянам, гостям и посадским всяким людям. Это была тайная грамота, «жаловальная». Царь писал, что он ещё до челобитья новгородских послов скорбел «душою и сердцем» о захвате в «безгосударное и в мятежное время» шведами Новгорода и «промышлял» о его освобождении, «да – прибавлял царь – ещё на то воля божия посяместа за грехи наша не совершилась». Ныне он приложит ещё больше сил к этому делу. Он уже посылает на съезд послов своих с послами шведского короля говорить о мирном договоре и «становении». Пусть митрополит и весь освященный собор, видя к себе царскую милость, молит бога; «чтоб господь бог подаровал нам, великому государю, душевное спасение и телесное здравие, и устроил бы господь царство наше смирно и безмятежно на веки, и послал бы свыше милость свою и царству нашему распространенье и расширение и высость и благоденствие, и крестьянскому роду умножение и над враги нашими и недруги и непослушники одоление и крепость, и подал бы свыше всем православным крестьяном мир и тишину и устроенье (и плодов зем)ных изобилие, и свободил бы вас в(сех право)славных христиан нашею царскою десницею (от на)силующих вскоре, и устроил бы вас в нашем царском жалованье мирно без мятежно по прежнему навеки». Царь просит молиться и за его отца и за мать.

Обращаясь к воеводе Одоевскому, дворянам, детям боярским, старостам, торговым и всех чинов людям, царь убеждает, чтобы они «служили и прямили всем своим сердечным вожделением, как прежним государям» и были надёжны на царскую милость.

Указывая, что шведский король велит новгородцев «приводити ко кресту на своё королевское имя» и быть царской отчине – Новгороду – «в его повеленье» под Свейскою коруною, – «чего преж сего прадеды и деды и отцы их и мыслити боялись», царь заявляет, что новгородцы сами подлинно знают, «каково было преж сего свейское государство с ноугородцким государством»: всегда свейские короли и содержатели мир «имывали с нашими ноугородцкими наместниками, и Ноугородское государство было всегда в ровенстве с свейским королевством». То дело шведы начинают «к большому крестьянскому кроворозлитию». «Мстить» королю за это царю «за неньшнюю ссылкою» «не пригоже», но пусть митрополит и пастыри приложат силы, чтобы «своего богом врученного стада душевие и телесие в погубление не дати», а воевода Одоевский и другие всякие люди в Новгороде пусть стоят «твердо и несуменно» и королю креста никак не целуют. Как Новгород освободится, тогда царь всех пожалует своим жалованьем.

Наконец, «на отпуске в Посольском приказе» дан был Я. Боборькину и М. Муравьёву «на одине без архимарита и без посадских людей вестовой список»; велено было им по возвращении в Новгород «про Московское государство рассказывать немцом и всяким людем вести против сего списка». В списке даны любопытные указания на международное положение Московского государства, об условиях мира со шведами (царь будет мириться только на условиях Тязинского мира 1 марта 1595 года), об обращении казаков с повинными к царю (выше приведены Б. М. Лыковым), о том, что если мира со шведами не будет,

казаки числом тысяч 15 пойдут в Корельский уезд и в Выборгские места и т. д. Известия рассчитаны на то, чтобы создать у шведов нужное Москве настроение. И это удалось. Надо добавить, что Я. Боборыкин и М. Муравьев в точности выполнили поручение. Будучи в Выборге (об этом см. ниже), они подали 20 июня 1615 г. Делагарди лист, в котором обрисовали положение дел в Московском государстве⁴⁶.

Когда новгородские посланные выехали из Москвы? Наказ М. Ф. Рчинову (стрелецкому голове), которому поручено было проводить посланных за Осташков, «в Ноугородцкой уезд, до коих мест пригож», дан был «7123 (1615) году марта в 8 день». Того же числа посланы были царские грамоты в Тверь, воеводе Ф. О. Янову, в Торжок, Осташков, воеводе Б. И. Кокореву. Выходит, что новгородские посланные выехали из Москвы числа 9 или 10 марта. Таким образом, просьба Я. Боборыкина не отпускать послов вскоре, видимо, не была уважена.

С М. Ф. Рчиновым послали «для провожанья» до Твери 20 человек стрельцов, а от Твери до Осташкова и за Осташков приказано было давать провожатых «по городом, на которые ему ехать». М. Ф. Рчинов с посланными должен был ехать на Клин, Тверь, Торжок, Осташков, а за Осташковым проводить посланных в Новгородский уезд, «до коих мест пригож». Ехать с посланными предписывалось «бережно и усторожливо», в дороге и на остановках никого к ним не допускать и не давать разговаривать ни о чем, наблюдать, чтобы в дороге и на остановках никто к ним не приставал и ни о чем «втайне» не разговаривал, ничего не «приказывал» словесно, не посылал письма. По возвращении в Москву Рчинов обязывался доложить обо всем дьяку П. Третьякову да Савве Романчукову. Воеводе Твери Ф. О. Янову, грамотой предписывалось посланных не задерживать; за «мотчанье» грозила царская опала.

В грамоте в Осташков Б. И. Кокореву, приказано было Рчинова отпустить в Москву, а новгородских посланных отпустить в Старую Руссу, «не мешая ни часу», в качестве пристава дать дворянина «добра» вместе с детьми боярскими, «сколко пригож, смотря по вестем». Дворянин должен был проводить до Старой Руссы; отпустить посланных предписано было «верст за пять или за шесть» до Старой Руссы с последнего стану при себе. Воевода должен был наказать провожатым, чтобы они с новгородскими посланными не поступали так, как с Исаком Спешневым: «выпроводя из Осташкова верст с шесть, покинули». Если посланных «до Старой Русы верст за пять или за шесть не проводят и с последнего стану их в Старую Русу при себе не отпустят, или их покинут, а над ноугородцкими посланными от воров какое дурно учинитца, и тому дворянину и провожатым быти... в великой опале и в смертной казни». Мы поймём заботливость московского правительства, если вспомним, что с посланными были отправлены тайные государевы грамоты новгородцам.

⁴⁶ Лист Якова Боборыкина и Матвея Муравьева к Я. Делагарди с изложением положения дел в России. 20 июня 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. V, № 21. С. 64–66.

Не все приехавшие с арх[имандритом] Киприаном из Новгорода вернулись обратно: осталось в Москве 14 человек – чёрные попы, дьяки, дьячок, монастырские служки, больной человек Я. Боборыкина Якушка, подьячий Трошка Башмаков, (тоже больной) и другие.

По приговору царя с боярами в Москве этих лиц разделили: 2 чернецам велели быть в Чудове монастыре, 2 – на Троицком подворье; слуг также разделили «на двое».

Глава III

В НОВГОРОДЕ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ПОСОЛЬСТВА ИЗ МОСКВЫ

Когда посланные вернулись из Москвы в Новгород? На грамоты Э. Горна Ф. И. Мстиславскому с товарищами 21 марта 1615 г. видно, что в то время посланные еще не вернулись в Новгород: Горн удивляется, «для чего» московские бояре не отпускают «Новгородцково государства послов назад»⁴⁷? В донесении королю 27 апреля 1615 г. из Новгорода Горн сообщает, что «новгородские послы, бывшие в Москве, недавно вернулись сюда»⁴⁸. Выходит, что посланные прибыли в Новгород между 21 марта и 27 апреля 1615 года. Однако таким неопределенным указанием удовлетвориться трудно.

Точнее срок приезда Киприана, Боборыкина и других в Новгород указывает Д. К. Плещеев. По его показанию, посланные «приехали из Москвы в Новгород при них в великий пост на вербной неделе». Так как Пасха в 1615 г. была 9 апреля, то выходит, что посланные вернулись не позднее 2 апреля.

Чтобы оценить это показание, познакомимся со свидетелем. Дмитрий Кириллов Плещеев был послан на государеву службу под Новгород вместе с боярином Д. Т. Трубецким. «Во 122-м (1614) году после велика дни (т. е. Пасхи. – Г. З.) на третьей неделе» во время битвы со шведами Плещеева взяли в плен; это была, очевидно, стычка с Коброном 12 мая 1614 г., как раз на третьей неделе после Пасхи, которая в тот год приходилась на 24 апреля. В плену в Новгороде Плещеев прожил больше года, «сидел в тюрьме», пока его не обменяли С. Г. Коробьин с товарищами. В стан москвичей, в с. Братошино, Плещеев вернулся 31 мая 123 (1615) года, «выменили его тому неделя ми-

⁴⁷ *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлечённых из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896. Т. 3, № 5. С. 27 (Отношение шв. генерал-фельдмаршала Эверта Горна в боярскую думу на имя князя Федора Ивановича Мстиславского в г. Москву. 1615. 21 марта).

⁴⁸ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 27 апреля 1615 г. // Сборник НОЛД. Вып. V, № 16. С. 47.

нула», другими словами 25 мая⁴⁹. На наш взгляд, показание Плещеева о том, что послы вернулись на Вербной неделе, заслуживает доверия. Стоит отметить, что в недавно выпущенной шведским генеральным штабом книге «Sveriges krig 1611–1632» приезд посланных из Москвы в Новгород отнесён к началу апреля, ко времени перед наступлением Пасхи⁵⁰.

Причины задержки посланных в дороге объяснил позднее (в июне 1615 г.) во время допроса шведами Киприан. Он заявил: москвичи «посланников наших, не издержав, отпустили до сроку (до Пасхи), а замешкали на дороге за разводьем» (из-за разлива рек)⁵¹.

Как же встретили в Новгороде вернувшихся послов? Интересные данные черпаем из рассказа новгородца боярского сына Федора Боишева, бывшего на съезде с московскими людьми, с Чесным Корцевым и его товарищами, в конце апреля 1615 года. Приехав в Новгород, Киприан, Боборыкин и Муравьёв велели собраться «в город на площадь немецким (шведам. – Г. З.) и русским людям». Собравшиеся стали расспрашивать посланных: «ездили де вы к Москве бити челом государю, видели ли де вы государевы очи, и государьская деи к вам милость против вашего челобитья есть ли, и что деи в Московском государстве строитца?». Последний вопрос представляется интересным: видимо, продолжавшаяся почти десять лет (считая со смерти царя Бориса) борьба в Московском государстве вызывала неверие в будущее этого государства. Не забудем и того, что новгородцы держались мнения, будто «Крестьянское кровопролитие не может уняться, ащели не Государьским сыном»⁵², а в Москве сидел царём вовсе не государский сын. Кто высказывал такое неверие, указать трудно. На все вопросы посланные дали утвердительный ответ, чем немало обрадовали новгородцев; последние выражали свою радость «вслух при немецких людех».

Как говорилось выше, о возвращении Киприана с товарищами из Москвы в Новгород писал 27 апреля 1615 г. королю и Э. Горн. Он сообщил, что новгородские послы в его присутствии передали митрополиту и другим «письмо москвичей и прочли его». Это были официальные грамоты, написанные «жестоко». Я. Боборыкин сообщает и такую деталь. Грамоты, что посланы со всеми ними (посланными) от государя и от богомольцев от митрополитов и от архиепископов и от бояр, взял у них Эверт Горн прежде митрополита Исидора и боярина князя Ивана Никитича и «вычедчи их, отослал к митрополиту». Но послы доставили и распространили в Новгороде и тайную царскую грамоту. Киприан

⁴⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 3; Отписка Белозерского воеводы Петра Чихачева в Ярославль о высылке дворян и детей боярских в поход против шведов с боярином Дмитрием Трубецким. 1614, июня 23 // ДАИ. Т. 2, № 16. С. 36.

⁵⁰ Sveriges krig 1611–1632. В. I. D. I. S. 486.

⁵¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 9 (Тайное донесение Киприана в Москву).

⁵² Наказ митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского игумену Дионисию, В. Новокишенову, И. Лутохину, И. Секерину. 1613, август // СГГД. СПб., 1819. Ч. 2, № 284. С. 602.

пишет в июне 1615 г.: «...да что две грамоты было со мною, и те отданы по их (москвичей. – Г. З.) приказу, кому велено, и многим добрым людем чтены у освящённого верха».

В свою очередь Я. Боборыкин в челобитной царю указывает: «...с ним же де с одним мимо товарищев его в те поры от государя посланы тайные грамоты к митрополиту Исидору и к боярину ко князю Ивану Никитичу и к лутчим людем, которые государю прямили. И как деи они приехали в Великий Новгород, и те грамоты, что посланы от ново государя, тайно с одним с ним, ухоронил и отдал их митрополиту и боярину и тем, которые государю прямили».

В приведённых заявлениях бросается в глаза, что Киприан и Я. Боборыкин подчеркивают, будто тайные грамоты даны были одному из них. Это неверно. Тайная царская грамота в Новгород была дана дьяком П. Третьяковым 9 марта 1615 г. в Посольской палате Киприану, Я. Боборыкину и М. Муравьёву вместе, но в дороге, возможно, хранил грамоту кто-нибудь один из них. Эта подробность, впрочем, не столь важна. Важен факт, что тайная царская грамота была доставлена по назначению. Этот факт признает и автор «Нового Летописца».

Вскоре после возвращения посланных в Новгород между ними возникли недоразумения. Сведения об этом почерпаны из расспросных речей толмача Павла Томасова (Стерлинга). П. Томасов был послан с Томасом Смитом в Новгород. 18 августа 1615 г. названные лица приехали на место, а 8 сентября того же года Томасов уже был в Твери у государевых послов, Д. И. Мезецкого с товарищами. Последние направили П. Томасова в Москву. В Москве П. Томасов рассказал, что по приезде в Новгород Киприан, не посоветовавшись с Як[овом] Боборыкиным и посадскими людьми, показал Э. Горну «боярской письменной наказ, что бояре приказывали с ними, с Яковом да с Матвеем к митрополиту Исидору да к боярину ко князю Ивану Одоевскому и ко всему Новгородскому государству, да и иные де многие непригожие статьи, которые не пристоят к мирному постановенью; архимарит Ивет Горну сказывал, будто Московским государством завладеют казаки и в боярех рознь; а о Якове Боборыкине сказал великую неправду, что он, Яков, всё радеет Московскому государству». В результате Горн перестал верить Я. Боборыкину и М. Муравьёву.

Мало этого. Киприан говорил воеводе Одоевскому и другим многим людем, будто он «без Якова да без Матвея у государя и у государыни был трижды и сказывал за собою тайные приказы». На третий день после того, как Я. Боборыкина и М. Муравьёва шведы отдали за пристава, Монс Мортенссон ставил Я. Боборыкина «перед собою с архимаритом Киприаном с очей на очи». При очной ставке Киприан «во всем запирался, что ни сказывал Ивет Горну». М. Мортенссон после этого «Якова перед архимаритом оправил»⁵³. Несмотря на разногласия между посланными, главное – передача тайной царской грамоты – ими было сделано.

⁵³ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 9.

Грамота вызвала у многих новгородцев «радость и крепость». Исчезла боязнь репрессий со стороны Москвы. Изменилось отношение к шведам: даже те из новгородцев, в ком шведы «чаяли себе добра, и те с ними стали не по старому». Так свидетельствует Киприан.

Привезённые грамоты московского правительства, однако, не удовлетворили шведов. Э. Горн пишет королю 27 апреля 1615 г., что у московских людей «нет никакого серьезного намерения приступить» к переговорам о мире; москвичи позволили Джону Меррику отправиться к шведскому королю; в отсутствие Меррика они, конечно, не поведут переговоров; они возлагают большие надежды «на посредничество английского посла»⁵⁴.

Что же предпринимают шведы? По рассказу Ф. Боишева, «того ж дни (т. е. в день приезда послов в Новгород. – Г. З.) у немецких людей была дума», но из русских людей шведы «никово к себе не пустили». О чем думали шведы, «тово... посяместа в русские люди ничево не отозвалось»⁵⁵.

Сообщение Ф. Боишева находит подтверждение в рассказах крестьянина Деменского погоста села Липиц, Харки Артемьева, и крестьянина Антониева монастыря села Купреянова, Микитки Купреянова. Названные крестьяне были посланы С. Г. Коробьиним с грамотой в Старую Руссу и во время путешествия сумели расспросить о многом русских. В Старую Руссу они пришли 1 мая, а вернулись к С. Г. Коробьину в Полоново 7 мая 1615 года. В показаниях крестьян встречаем и некоторые новые детали. Х. Артемьев и М. Купреянов рассказывали, что дума у шведов была «по три дня»; шведы «удумали то, что русских людей всех привести на королевское имя х крестному целованью». Шведы послали «по власти и по всяких русских людей и по Хутынсково архимарита». В ту пору архимандрит был «у себя в монастыре». Узнав о намерении шведов, Киприан заявил: «я деи не иду на совет нечестивых, должен деи за православную хрестьянскую веру умереть, а православным деи я хрестьяном креста целовать королю не думаю и не благославляю их на то». Услышав «такой архимарич ответ, власти и всякие русские люди» также отказались присягать королю.

То же самое рассказал упомянутый раньше новгородец Федор Боишев, приезжавший снова 17 мая 1615 г. с Песков от шведов на Мошино к С. Г. Коробьину с товарищами «для того, чтоб ещё с свейскими посланными съехатца». При вторичном приезде Боишев сообщил, что шведы после приезда посланных из Москвы начали принуждать всех русских людей целовать крест королю, но посланные решительно отказались: «королю де нам креста не целовати, а и королевичу де мы крест целовали на том, что королю королевича которого-нибудь дати на Московское государство и креститися было ему в нашу христианскую греческую веру, и то де не зделалось, и ныне бог дал на Московское государство государя, а мы ему, государю, и всему Московскому государ-

⁵⁴ Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. № 16. С. 47.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 3.

ству не изменники, должны де мы за него, за государя, хотя умерети, а королю креста не целовати». По словам Ф. Боишева, Киприан даже не вышел из кельи, он заявил: «Я де не иду на совет нечестивых, а русских людей креста целовать не благославляю». «И Эвет Горн де, – заканчивал свой рассказ Ф. Боишев, – и все немецкие люди за то Футьинского архимарита и князь Микифора Мещерского дали за пристава, а князь Ивана Кропоткина и Якова Боборыкина и Матвея Муравьёва послали в Свею, а животы их все разграбили».

Позднее (в последний день мая) об этом же событии рассказывал в Братошине Д. К. Плещеев (о нём см. выше). По словам Плещеева, Горн, узнав о приезде арх[имандрита] Киприана с товарищами из Москвы, приезжал к митрополиту и расспрашивал посланных, при этом взяты были и прочтены грамоты; «и шумел на них Ивет Горн, для чего они такие грамоты имали, в которых писаны про короля не по делу укорительные слова». «И после де того спустя дни с три или четыре» Горн приказал новгородцам собраться ко двору митрополита, а когда те сошлись, начал принуждать их к присяге Густаву II Адольфу.

Тут заговорил митрополит. Я. Делагарди и Э. Горн целовали «крест всем людем Новагорода на том, что было вам Новагорода не вредить, и людей не посечь, и церквей не разорять, и ко кресту на королевское имя Ноугородцкогo государства людей не приводить, и никоторого дурна Ноугородцкому государству не учинить, и ныне за своим крестным целованьем, что над Новым городом и надо всеми людами и учинити, и в том волен бог». Он – митрополит – не благословляет присягать королю; он даже отдавал Горну «ключи церковные Софеи премудрости божьей». За митрополитом отказались присягать королю «всяких чинов люди».

Тогда Горн заявил: король приказывает ему в письмах привести новгородцев к присяге на свое имя, но новгородцы целовать креста королю не хотят; пусть же они дадут ему, Горну, «отказную». Он пошлёт ее королю, Что король велит, то Горн и сделает, «а без королевского ведома ничего им учинить не смеет». Митрополит и всяких чинов люди «отказную» Э. Горну дали: «им королю креста никак не целовать, а целовали де они крест королевичу, и они де и служат королевичю». Д. Плещеев прибавлял: «а говорят-де про королевича неволею, избываючи, толь (только. – Г. З.) чтоб им королю креста не целовать и протянуть бы до того, покаместа государь посла (с) свейским королем сошлетца». «И после того вскоре» Горн взял Я. Боборыкина и М. Муравьёва из-за пристава, «а у него сидели на дворе три дня», затем их отправили в Швецию к королю «с приставом», а архимандрит оставлен в Новгороде⁵⁶.

О том же сообщает и Павел Томосов. Он не указывает точно дня, когда это происходило, сообщает только, что это было «в те ж де поры», как приехали Киприан с товарищами в Новгород, и сам факт передает в общей форме.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 3.

Не станем упускать из виду и того, что Э. Горн сам пишет королю в донесении 27 апреля 1615 года: «И после окончания срока, именно праздника Пасхи, до которого новгородцы просили отсрочки, чтобы снестись с москвичами посредством послов и грамот, я воспользовался этим поводом, чтобы еще потребовать от них присяги, какую желает ваше королевское величество... но большая часть поет свою старую песню»⁵⁷.

Рассмотренные источники позволяют установить несомненный факт, что после возвращения новгородских посланных из Москвы шведы предприняли новый нажим на новгородцев, пытаясь склонить их к унии со Швецией.

Когда же происходило это событие? Из донесения Э. Горна королю от 27 апреля 1615 г. выясняется, что попытка была сделана после Пасхи, т. е. после 9 апреля, но ещё до 27 апреля, до отправления донесения в Швецию. Из челобитной Пятунки Григорьева (новгородский дьяк Пятой Григорьев) царю Михаилу узнаём, что Э. Горн приходил и требовал присяги на имя короля 17 апреля⁵⁸.

Так устанавливается точно день новой попытки Э. Горна принудить новгородцев к унии со Швецией.

Попытаемся восстановить это событие детальнее. Это нелегко сделать вследствие разноречий в показаниях. Горн приказал собраться на митрополичьем дворе. Кто явился сюда из новгородцев, в каком числе, неясно; Плещеев рассказывает, что на собрании кроме митрополита и воеводы боярина Одоевского были дворяне, и дети боярские, «и всяких чинов люди» (см. выше). Можно считать установленным, что архимандрит Киприан не пошел на «собор», зато на соборе был Я. Боборыкин. Содержание речи, которую держал Горн на собрании, по нашему убеждению точнее всего передано в челобитной Я. Боборыкина. Горн говорил: «те де грамоты, что писали к ним с Москвы власти и бояре, не к ссылке, не к большому несоединенью; а ныже в крестном целованье дан был срок до велика дня (до Пасхи. – Г. З.); и ин де бы ныне королю крест целовать, как и прироженным своим государем».

По словам Плещеева, против предложения Горна выступили митрополит; за митрополитом отказались присягать королю другие новгородцы. Выходит, что кроме митрополита никто Горну не возражал.

Иначе дело рисуется в челобитной Я. Боборыкина. По рассказу Боборыкина, именно он, а не кто иной, «мимо всех людей на соборе Эвет Горну встречно говорил и в крестном-де целованье отказал». Рассерженный Горн выхватил шпагу и хотел заколоть Я. Боборыкина, заявив: «я-де с тобою и говорить не хочу, а прошу ответа у митрополита и у боярина». В этот момент выступил митрополит. Выступление Я. Боборыкина он «снял на себя», заявив, что Боборыкин говорил с его,

⁵⁷ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 27 апреля 1615 г. // Сборник НОЛД. Вып. V. № 16. С. 48.

⁵⁸ Челобитная П. Григорьева см.: РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 3.

митрополита, благословения и «по совету всего Новгородского государства всяких чинов людей».

Какое показание из двух принять? Мы склоняемся к мнению, что вернее изображает события Як[ов] Боборыкин: ведь он присутствовал на собрании, тогда как Плещеев, находясь в тюрьме, должен был довольствоваться рассказами других.

Но если свидетели говорят разное о выступлениях на соборе, то они, согласно утверждают, что Горн, получив отказ, потребовал от новгородцев «писменного ответу», чтобы знать, «как про то отписать ему х королю». Когда именно высказана Горном такая просьба: на соборе или позднее? Полагаем, что Горн обратился с устной просьбой дать ответ ещё на соборе, а по прошествии некоторого времени послал запрос в письменном виде. Так мы представляем себе новую попытку Горна принудить новгородцев к унии со Швецией.

Поищем теперь предъявленного Горном письменного требования дать ответ. В ДАИ Т. II. № 42 напечатано предложение Горна новгородцам «относительно принятия мер к обеспечению подданства их шведскому королю Густаву Адольфу». Даты в предложении нет. Редактор 2-го тома ДАИ поставил неопределенную дату: «1615 прежде 27 мая». По нашему убеждению, этот печатный документ и необходимо признать требованием Горна 1615 г., предъявленным в письменной форме. Что этот документ написан после возвращения новгородского посольства из Москвы, ясно из следующих выражений:

1) «Занеже ныне Московскаго государства бояря к вам Ноугородскаго государства ко всяким людем, против вашии грамоты, с архимаритом Киприяном и с дворяны отписали гордым и неправедным обычаем» (указание на грамоты, привезённые новгородскими послами из Москвы);

2) «и по тому вашему (т. е. новгородцев. – Г. З.) челобитью вам к Московскому государству сослатись поволено, и по той вашей ссылке от Московского государства никоторое сходителство к созиданию хрестянского покою не объявилось». Поэтому мы считаем возможным поставленную редактором дату документа изменить таким образом – 1615 г. после 17 апреля.

Познакомимся с содержанием требования. Горн напоминает, что он «наперед сего, ещё по зиме нынешнего 123 году, говорил и по статьям написав велел отдати». Здесь, конечно, разумеется предложение Горна 14 декабря 1614 года. Тогда новгородцы «никакие достойные отповеди не учинили, толко о том били челом, чтобы... поволити к Московскому государству обослатися»; если московские люди «до реченого сроку» (праздник Пасхи) «за достойное посредие на ползу отчизне своей не примутся», не начнут переговоров о мире, в таком случае новгородцы поцелуют крест королю. Ссылка с Москвой не дала положительных результатов. Пусть новгородцы учинят Горну «писменный ответ»: какой благодарности ждать королю от новгородцев? «Почему его королевскому величеству вас Ноугородскаго государства всяких людей верными подданными людами имети и по своим королевским кровом по

Бозе обороняти, и почему его королевскому величеству на вас обнадёжитися?»⁵⁹.

Необходимо точно установить, какой ответ был дан новгородцами шведскому фельдмаршалу на его письменное требование присяги королю. Из челобитной Я. Боборыкина царю Михаилу узнаём, что Якову и дьяку Семёну Лутохину поручали дважды написать ответ на предложение Горна: в первый раз до отъезда арх[имандрита] Киприана с товарищами из Новгорода в Москву, второй раз по возвращении послов из Москвы в Новгород. До нас действительно дошли два ответа новгородцев Горну: первый ответ привезён был новгородскими послами в Москву и хранится в РГАДА (Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 2), второй напечатан в ДАИ Т. II, № 32 с неопределённой датой «1614 г.». Редакцию ответа, привезённую арх[имандритом] Киприаном, Боборыкиным и Муравьёвым в Москву, мы рассмотрели раньше. Теперь следует ознакомиться с редакцией ответа, напечатанного в ДАИ Т. II, № 32.

Первый ответ не был вручен Горну, второй был передан ему, послан Горном в Швецию, – когда, неизвестно, – и хранился в Государств[енном] архиве в Стокгольме, откуда его извлёк сотрудник Археологической комиссии, проф. Соловьёв.

Сравним две редакции ответа. В первой редакции мы встречаем в тексте фразы, зачеркнутые во второй редакции (они вынесены редактором 2-го тома ДАИ в примечание). Далее мы имеем некоторую перестановку в изложении, но, по существу, и в той и в другой редакции новгородцы отказываются от присяги шведскому королю. Однако формулировка отказа представляется в двух редакциях отличной. В первой редакции читаем: «а мы, ноугородцкие всяких чинов люди мимо утверждённых записей (т. е. договора с Деллагарди 25 июля 1611 г.) и по своему крестному целованью иного государя опричь государя своего королевича пресветлейшего и высокорожденного великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича и под Свейскою коруною вперед быти некоторыми обычаи не хотим» (Л. 135–136). Во второй редакции приведённые слова вычеркнуты. Несколько дальше в первой редакции говорится: «и ныне нам мимо его государя своего королевича и мимо прежних наших записи велможному королю и его наследником Свейским королём креста целовати не мочно, хотя и помереть за своё крестное целованье» (Л. 139). Во второй редакции это место изменено следующим образом: «и ныне нам, мимо его государя своего королевича и мимо прежние наши записи велможному королю и его наследником Свейским королём креста целовати не мочно, и под Свейскою коруною быти не хотим, хотя и помереть за своё крестное целованье»⁶⁰.

На наш взгляд, формулировка во второй редакции дана более резкая. Мы, полагаем, что новгородцы, решительно отказываясь от присяги королю, надеялись на московского царя, от которого они получили

⁵⁹ Предложение шведского фельдмаршала Эверта Горна новгородским земским чинам. 1615, прежде 27 мая // ДАИ. Т. 2, № 42. С. 74–75.

⁶⁰ Отказная грамота новгородцев Эверту Горну. 1614 г. // ДАИ. Т. 2, № 32. С. 62.

с архимандритом Киприаном и другими послами тайные грамоты; зимой 1614/1615 г., когда связей с Москвой у них ещё не было, они дали более неопределенный ответ. Что касается привязанности к Карлу Филиппу, то тут мы не должны забывать показания Д. К. Плещеева, что новгородцы говорят про королевича «неволею, избываючи толь, чтобы им королю креста не целовать и протянуть бы до того, покаместа государь послы с свейским королем сошлётца» (см. выше).

На основании изложенного, считаем возможным:

1) Отнести документ, напечатанный в ДАИ Т. II, № 32 к апрелю 1615 г.;

2) назвать его не «ответом», а «отказной», как его именует Д. К. Плещеев;

3) констатировать перелом в отношении к шведскому королевичу у большей части новгородцев, отказ от него. Этот перелом представляется вполне естественным после того, как у новгородцев завязались связи с Москвой, после того, как из Москвы присланы были тайные обнадёживающие царские грамоты.

Мы знаем теперь даже то, как составлялась отказная Э. Горну. Из челобитной Я. Боборыкина царю видно, что митрополит, воевода И. Н. Одоевский и «всех чинов люди» Новгородского государства поручили написать ответ Я. Боборыкину и дьяку Семёну Лутохину. Последние взяли за основу ответ, составленный ими раньше, внесли в текст коррективы и «к митрополиту и к боярину на собор принесли», видимо, для одобрения. Процесс написания отказной Горну показывает, что в Новгороде активно выступают сторонники Москвы.

По-видимому, одновременно с предъявлением требования ко всем новгородцам дать ответ в письменном виде на предложение унии Новгорода со Швецией Горн пытается оказать давление на отдельных лиц. В сентябре П. Томосов передавал в Москве: «Якова-де и Матвея (Боборыкина и Муравьёва. – Г. З.) Ивет Горн имал к себе в хоромы по многие дни и говорил им и устраивал многими статьяи, чтоб они целовали крест королю, да и иных людей на то приводили; как де они с Москвы приехали и всеми людми замутили, для их новгородцы креста не целуют»⁶¹.

Всё же присягнувшие в Москве на имя царя Боборыкин и Муравьёв не согласились целовать крест королю. Поэтому Горн отдал их за приставов.

Рассмотрим теперь последующие события. Идти с отказной к Горну никто не решался. Тогда митрополит и воевода И. Н. Одоевский поручили Я. Боборыкину передать отказную Горну.

Я. Боборыкин, «изготовясь на смерть», явился к шведскому фельдмаршалу. Выслушав ответ, Горн отдал Боборыкина «за немецкие приставы, и, сковав де ево, послал в Выбор». Туда же были высланы князь Никифор Мещерский и Матвей Муравьёв, а архимандрит Киприан пока оставлен был в Новгороде «в замке». По рассказу Федора

⁶¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 12.

Боишева, Горн, выслушав отказную, «за то футынсково архимарита и князь Никифора Мещерскова дали за пристава, а князь Ивана Кропоткина и Якова Боборыкина и Матвея Муравьёва послали в Свюю, а животы их все разграбили». Д. К. Плещеев в рассказе сообщал, что Я. Боборыкин и М. Муравьев сидели за приставом «на дворе три дня» и после того были сосланы в Швецию. Относительно Киприана следует заметить, что хотя его оставили в Новгороде, но он гулял на свободе не долго.

Когда эти события происходили? О высылке Я. Боборыкина, М. Муравьёва и других в Выборг (Нюборг) Э. Горн сообщает королю в донесении 27 апреля 1615 года. Значит, интересующие нас события происходили до 27 апреля 1615 года. Но их нельзя относить ко времени до 17 апреля, до устного предложения Горном унии Новгорода со Швецией. Естественнее всего рассказываемые события приурочить ко времени между 17 и 27 апреля. Что до Киприана, то, по словам П. Григорьева, он взят был за пристава 27 апреля 1615 года. Отсюда надо сделать ещё и другой вывод: отказная новгородцев, переданная Горну, должна быть отнесена ко времени между 17 и 27 апреля 1615 г., необходимо исправить дату, поставленную во 2-м томе «ДАИ».

Разъединяя названных лиц, Горн надеялся, что «другие новгородцы будут благоразумнее»; он предполагал, что «горожане дадут себя уговорить присягнуть» королю. Горн пишет королю в том же письме, что «некоторые бояре (дворяне? – Г. З.) уже тотчас после того, как те были высланы, предложили присягнуть на верность» королю⁶². Кого тут имеет в виду Горн, сказать трудно с достаточной определенностью. Из русских источников известно, что оказался нестойким Никифор Мещерский. Павел Томосов передавал в Москве, что когда Боборыкину и Муравьёву подали подводы и те хотели уже садиться, чтобы ехать в Выборг, к ним явились от Горна толмачи (переводчики) Бажен Иванов да Олфер Северов и сказали, что их прислал Горн, а велел передать Боборыкину и Муравьёву, что князь Мещерский «королю крест целует», за что Горн Мещерского в Выборг не посылает. Если Боборыкин и Муравьёв поцелуют крест королю, их в Выборг также не пошлют. Присягнувшие в Москве на имя царя Боборыкин и М. Муравьёв от присяги королю категорически отказались.

Что заставило Горна с таким рвением проводить в жизнь приказы короля касательно унии Новгорода со Швецией? Наше внимание невольно привлекает заявление Горна в письме королю 27 апреля 1615 года. Как Горн сообщает, тщательными наблюдениями установлено, что новгородские посланные «слишком сильно увлечены москвичами», «надо заставить их присягнуть» королю, иначе они могут замыслить и привести в исполнение что-либо вредное, если дать им время для размышлений. Итак, опасение, что бывшие в Москве архимандрит Киприан, Як[ов] Боборыкин и другие, заведут что-либо вредное для шве-

⁶² Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 27 апреля 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 16. С. 49.

дов – вот что побуждает Горна прибегнуть к репрессиям. Репрессии не остались безрезультатными. Князь Мещерский, как сказано выше, присягнул королю. Горн надеялся, что и горожане поцелуют крест Густава II Адольфу в надежде получить облегчение в податях для военных надобностей.

В мае 1615 г. Горн предпринимает новую попытку склонить новгородцев к присяге королю. 27 мая 1615 г. на собрании («в соборе») Горн говорил (устно) митрополиту Исидору и всему освящённому собору, и боярину Одоевскому, «и дворяном, и дьяком, и детем боярским, и гостем, и пятиконецким старостам». Напомнив, что новгородцы и сами знают, как «наперед сего» московские люди шведскому королю «противо всякого доброго воздаяния чинили», указав, что «глаза у Московских людей ослепли», они не хотят добра своему государству, шведам поневоле приходится обороняться, раз московские люди «наезжают», – Горн убеждал новгородцев лучше «пристать ко государю королю». «По зиме» по приказу короля шведские военачальники «к Москве писали, чтоб доброе дело (т. е. мир. – Г. З.) учинить и ранее к концу дело совершить». Теперь он, Горн, и другие шведы видят, «как чинитца». Кроме того, к Горну пригнали от короля «гонцы многие», спрашивая: «На чем Ноугородцы хотят стояти, и как за них стоять и ратных людей посылать?». Зимой Горн уже спрашивал новгородцев об этом, и те тогда ходатайствовали о разрешении «послать к Москве о добром деле»; «и будет-де Московские люди за доброе дело не примутся, и Ноугородские люди хотели ко государю королю». Ныне ясно всем, что московские люди «возгордели». Он, Горн, терпел долго, но теперь желает точно знать от новгородцев, «ко государю ли к королю хотят, или к недрузем» (московским людям)? Пусть новгородцы дадут ему «ответ вскоре»: ему необходимо отпустить королевских гонцов и королю «отповедь учинити»⁶³.

Что побуждало Горна предпринимать новую попытку унии Новгорода со Швецией? Ведь у него в руках была уже «отказная» новгородцев, в которой последние категорически отказывались поцеловать крест королю. Объяснение находим в донесении Горна королю 26 мая 1615 года. Горн сообщает, что 5-го мая он получил письмо от 6 марта из Гарпебергета, а «на этих днях» ему доставили письма короля от 19 марта из Коппарберга и 15 апреля из Стокгольма вместе с двумя другими письмами, в которых Густав II Адольф выражал согласие на договор от его имени с новгородцами, «если уже отправлено их послание к москвичам». Ко времени отсылки упомянутых писем «отказная» новгородцев, очевидно, ещё не была получена в Стокгольме; там готовились к договору с новгородцами, т. е. к унии. Получив новые директивы короля, Горн и приступил к их выполнению. Возможно, что в ожидании

⁶³ Предложения Шведского фельдмаршала Эверта Горна Новгородским земским чинам о доставлении ему решительного ответа насчет расположения их к шведскому королю Густаву Адольфу. 1615, мая 27 // ДАИ. Т. 2, № 43. С. 75.

договора с новгородцами шведы составили и текст присяги королю на русском языке⁶⁴.

В Стокгольмском гос[ударственном] архиве сохранились копии двух ответов на предложение Э. Горна 27 мая: первый идет от митрополита Исидора, игуменов и всего освященного собора (упоминания архимандрита нет, что вполне понятно: Киприан сидел под арестом), а также от воеводы Одоевского, дворян, дьяков, детей боярских, и гостей Новгородского государства, второй – от пятиконецких старост. Мысли, развиваемые в первом ответе, не новы: новгородцы заявляют, что они желают оставаться на том, «на чём договорились и укрепились крестным целованьем и записми» с Делагарди. Пятиконецкие старосты в свою очередь заявляли, что они остаются верными королевичу; если он велит им «на свое государево имя крестное целованье подкрепить», они готовы сделать это, но кроме его, королевича, иного государя им не подыскивать. Об этом они уже раньше дали письменный ответ за своими подписями и за подписями своих духовных отцов. В ответе старосты указывают, что «три доли посадских людей от великих налогов померли напрасною нужною смертью»⁶⁵.

Так кончилась неудачей третья попытка Э. Горна принудить новгородцев к унии со Швецией. Меры воздействия на массу новгородцев не дали желанных результатов. Но Горн наряду с воздействием на массу воздействует и на отдельных лиц. В июне 1615 г. очередь дошла до Киприана (Я. Боборыкин и другие уже были высланы из Новгорода).

Мы переходим к изложению попытки шведов привлечь на свою сторону архимандрита. В наших руках тайное донесение об этом самого Киприана⁶⁶. В источнике имя Киприана не упоминается, но разгадать автора донесения нетрудно. В одном месте, требуя к себе более вежливого обращения со стороны шведов, он говорит: «архимарит я Хутынской, хотя пеш хожу вашим здоровьем, да год я у вас в Выборе был при королевиче».

Из приговора об отправлении посольства из Новгорода в Выборг 27 июля 1613 г. узнаем, что в числе послов был архимандрит Спаса Хутыня монастыря Киприан. Из письма шведских комиссаров в Выборге к Делагарди от 13 сентября 1613 г. известно, что новгородские посланные прибыли к месту назначения 26 августа 1613 г., а вернулись в Новгород 15 августа 1614 г., другими словами, пробыли в Выборге, действительно, почти год. Таким образом, несомненно, что автором документа является Киприан.

Не столь точно устанавливается время написания документа. Наше внимание привлекает в документе следующая фраза: «а после ссылки даны вам (шведам. – Г. З.) двои приговоры за руками, что хотя от вас

⁶⁴ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 20. С. 59; Крестоцеловальная Новгородская запись шведскому королю Густаву Адольфу. 1615, после мая // ДАИ. Т. 2. № 44. С. 76.

⁶⁵ См. приложение № 2.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 9.

и побитым быть нам, а креста не целовать». Под ссылкой здесь, конечно, следует понимать посольство архимандрита Киприана, Як[ова] Боборыкина и Матвея Муравьёва в Москву: послы вернулись из Москвы в Новгород в самом начале апреля 1615 года. После возвращения посольства из Москвы Эверт Горн дважды предлагал новгородцам присягнуть Густаву II Адольфу – первый раз 17 апреля, второй раз 27 мая. На эти предложения новгородцы дважды отвечали отказом, составляя приговоры за руками. Так как в документе упоминается «двой приговоры», то его необходимо отнести ко времени после 27 мая. Так определяется *ante quem*. Труднее определить *post quem*. Из документа ясно, что разговор Киприана с Мортенссоном, содержание которого воспроизводится в источнике, состоялся ещё при Эверте Горне, до ухода последнего с войском под Псков. Однако какого числа состоялся уход Горна с войском из Новгорода, нам установить не удалось.

Другое указание на время написания документа видим во фразах: «а посол стоит в Старой Руссе»; «посол англинской идёт подлинно, а будет сейчас в городе». Под послом здесь надо разуместь Джона Меррика. Из донесения Горна королю из Новгорода 26 мая 1615 г. узнаем, что Меррик «14 дней тому назад», другими словами, 12 мая, прислал к Горну одного из своей свиты с сообщением, что он (Меррик) «уже прибыл в Осташков и при первой возможности приедет» в Новгород. 17 июня 1615 г. Меррик посылает из Новгорода грамоту Густаву II Адольфу⁶⁷. Так как в нашем документе о прибытии Меррика в Новгород ни словом не упоминается, а напротив говорится, что английский посол будет скоро в городе, то следует допустить, что документ составлен до приезда Меррика в Новгород, иными словами, в первой половине июня 1615 года.

Откуда же брал Киприан в заключении бумагу и чернила? Ему давали «Моншины ребята», т. е. шведы, подначальные секретарю Мортенссоны. Киприан пишет: «да себя не жаль. Жаль робят тех Моншиных, что испортят, а её впредь ничево ни от кого у них не проведать. И чернелишок тех они-ж приносят и бумажишка, а её кормят так смяк, хлеба принесут».

Написанное в тюрьме Киприан велел переписать начисто «Марковичу»: «И ты, Маркович, начисто перепиши рядом, а что не рядом, а писан в кручинах, а ты начисто перепиши, что поскладно написано в кручинах, и ты повежливей напиши; только что не пригодитца, и ты выпишь вон». Кто такой Маркович, разгадать не удаётся. Из документа видно, что этот Маркович сидел вместе с Киприаном в заключении. «А то сам ты видел, Маркович, как со мною сидел заключён», – читаем в документе. Впоследствии Маркович, видимо, был выпущен из тюрьмы. Надо думать, что это был человек хорошо грамотный: Киприан велит

⁶⁷ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. № 20. С. 60; *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857. Прил. № 18. С. 194–196.

ему не только переписать набело, но ещё исправить, написать нескладное повежливее.

Написанное Киприаном Маркович должен был послать к Макарью. «Да однолично, Маркович, – пишет Киприан, – не учини того, что тебе на пере писать, да не послать к Макарью». Кто такой Макарий, с уверенностью сказать не можем, но склоняемся к предположению, что это – игумен Тихвинского монастыря. Несомненно, что Макарий – духовное лицо, власть имеющее. «Да Макарью по Дмитрее вели сорокоуст заставить отпеть» (сорокоуст – поминовение в церкви в течение сорока дней после смерти того или иного лица). Несомненно и то, что Макарий жил где-то вне Новгорода. Киприан наказывает Марковичу: «хотя голову свою и мою заложи, давай ходаку што-нибудь хотя рублёв десять, или во што станет, толко вскоре пошли к Макарию, да именно отдай, да и он бы у себя того ни часу не издержал, также послал скоро, чтоб к делу на съезд спелело». Обращает на себя внимание плата – 10 рублей. Очевидно, путешествие было сопряжено с риском. Доставлено ли было по назначению донесение Киприана? Надо думать, что просьба была выполнена.

Связи архимандрита Киприана с игуменом Макарием продолжались и позднее. Служка Спаса Хутыня монастыря, Кузьма Яковлев, посланный послами Д. И. Мезецким с товарищами 11 июля 124 (1616) г. в Новгород «для вестей» к архимандриту Киприану», по возвращении в распросе показал, что Киприан прислал ему, Кузьме, письмо к послам и разные вести, «а велел де тое-казну церковную и платье отвести на Тифин и отдать на Тифине игумену Макарью». К слову сказать, на дороге на К. Яковлева напали «тифинские беглые стрельцы» и все у него отобрали⁶⁸.

Познакомимся теперь с содержанием донесения.

Киприана и старост позвали к Мортенссону. Переводчиком служил Анца Брякилёв. День, когда происходил разговор, установить с точностью не удаётся. На вопрос Киприана: «для чево ты меня и старост звал», – последовал ответ: «звал-де я вас для того, что боярин Ивет Горн велел тебе говорить то и старостам, чтоб ты митрополиту и своей братье говорил и Одоевскому и всяких чинов людем, чтоб оне крест целовали, не упрямливались, напрасно крови не пролили. А ведем-де мы подлинно, хто народом смущает и не велит ему за вспомоление и за оборонь креста целовать». Но Киприан твердо отказал. «И то дело не мое», – заявил он. «Ни старостам в том дело не пособить. Да и не уметь нам того дела сотворить. То было многижда: вы на соборе говорили з боярином, да и спросные ваши многие писменные бывали речи нам, и на те ваши спросные речи вам от нас ответ даван многижда словом, да и писменные ответы изо всех улиц даваны за руками, да и приговоры за руками даваны ж, что королю креста не целовать. А ныне после ссылки тому делу отнюдь быть нельзя. А после ссылки тому вам

⁶⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 8.

двои приговоры за руками, что хотя от вас и побитым быть нам, а крест не целовать».

После такого заявления Киприана Мортенссон сказал, что, как шведам известно, не велит целовать крест он, Киприан; приговоры пишут у него, «сяжаясь на дворе», во всех приговорах вначале стоит подпись Киприана, руки прикладывать заставляют силой, расхаживая по улицам, а попов собирают к Киприану «на двор и там велют подписываться».

Брошенное обвинение вызвало протест со стороны Киприана. «То безделье,, – заявил он, – что силно где приговоры напишут или руки прикладывают, только со всего гратцкого совету. А моей руки вначале нет. А все у нас делается за один человек. Да мы и начало и пастыри, на нас бог поищет всякие души. А нам и вам надобеть учинить праведно». На реплику Мортенссона: «а что-де ваша правда: что мы за вас стоим, а вы нас не в чем не слушаете, да обороняемся», Киприан не постеснялся ответить: «...и вы за нас не стоите и не обороняете. Мы вас суда не звали».

В дальнейшем Киприан указывает, что шведы поступают вопреки договору с Деллагарди: тогда условились «быть всем, как при прежних государех было», «под свейскую коруну» новгородцев «не подводить». Ныне делается наоборот. Уже посол (разумеется, английский) стоит в Старой Руссе, а шведы велют крест целовать. «Лутче нам смерть своя видать, а не ваша правда. А то год той напасти ведётся, а конца нет, мир ставитца, а вы неволите». Тут Киприан повторяет, что подробно развито в ответе, составленном Боборыкиным и Лутохиным.

Но Киприан развивает и новые мысли, не встретившиеся в ответе. Он говорит, что слышал, как Деллагарди, Горн и Мортенссон сказывали, что Карл IX, умирая, дал сыну грамоту, и в ней завещал соблюдать с москвичами мир «во веки, будет они себе государя оберут из московских бояр изо Мстиславского, из Голицыных, из Романовых», шведы подтвердили, что это было так, но в недоумении спросили: «а вы (новгородцы) на то на кто надежды?». Киприан на это ответил: «нам о том радоватца подобает, что благо то зделалось: ино на Москве ныне государь обран из Романовых». Человек, посланный в 1613 г. в Выборг звать Карла [Филиппа], клялся за Новгородское государство, проводивший там сепаратистические идеи, в 1615 г. радуется, что в Москве избран царём один из Романовых.

Из других реплик Киприана отметим ещё две, опуская другие. В ответ на замечание шведов, что королевич отказал новгородцев брату и что поэтому Густав II Адольф новгородцев «нудит» целовать ему крест, Киприан заявил: «Ино ведь отказал нас, и мы стали люди божи, а люди волны, куды хотим, туды отворите ворота да пушай; а хто останетца с вами, и тому воли не унимаем, как себе хотят. Гость Иван Харламов да иные, отступя от бога и от своей природы, съехали жить к вам, и они себе как хотят». Как видно, из одного и того же факта новгородцы и шведы делали разные выводы, логика была разная... Шведы обещали льготы, если новгородцы присягнут королю. «Как-деи им волю сотворите, и вам будет льгота, а король себе еще начнет земли прибавливать, а вы в рубеже не будете». На это Киприан отвечает: «...и то ещё в Боге

сокрыто (т. е. неизвестно. – Г. З.). И Москва была за Литвою, а ныне сами болши нас ведаете за кем. Да сами мы видели, что по милости бо- жии кабы над нею ничто не бывало».

Нельзя не признать, что при разговоре Киприан проявил немало мужества и возражал шведам основательно. Шведы пригрозили ему пыткой. «А ино тебе быть пытану», – заявил Мортенссон Киприану. «В ваших руках, – отвечал Киприан, – хотя и голову отсечь велите. За мною дело не станет ни мир, не перемирье». Он вспоминает прежнее истязанье. «И да перед дьяки Семён Лутохин и перед Пятым Григорьевым и перед дворяны и перед старосты и перед всем народом, вдругорять у Ивет Горна и хоромах перед ним и перед Моншою то ж истязанье было». Не поддаваясь сам на уговоры шведов, Киприан обращается с увещанием к митрополиту Исидору, и боярину Одоевскому и ко всем приказным и всяким людям: «...вы с ними крепились, вы и говорили, да не молчите! А видите и сами вы, что нас оне себе не прочат». Он заявляет, что между шведами и русскими уже ссылка о мире есть, король шведский стремится к миру. «От королевских бояр мы, – пишет он, – многиджа слышали и от послов королевских: так-де королю и нам и есть не хочетца, как де нам миритца хочетца»⁶⁹.

Чем кончился разговор Киприана с Мортенссоном, сказать определенно не можем. Ясно одно: Киприан отказался убеждать новгородцев целовать крест королю. За это его продолжали держать в заключении.

Из изложенного ясно, что главная причина репрессий со стороны шведов в отношении Киприана – несогласие последнего убеждать новгородцев присягать королю, содействовать унии Новгорода со Швецией. Иное объяснение даёт «Новый Летописец». Рассказав о том, что в Москве передали новгородским посланным тайную царскую грамоту, в которой царь писал, «что их пожаловал и вины им все отдал» и «повелеша им дати список, выписав все неправды Немецкия», рассказав, что посланные по приезде в Новгород «милостивые государевы грамоты роздаша все в тайне», автор «Нового Летописца» прибавляет: «После ж их приезде проведаша Немцы про тот список и про их челобитье на Москве, а писал с Москвы в немцы Петр Третьяков. Тому ж архимариту и дворяном бысть теснота и гонение великое. Архимариту ж наипаче многая мука была». «Новый Летописец» лег в основу изложения событий и С. М. Соловьёвым⁷⁰.

На наш взгляд, автор «Нового Летописца» обнаруживает недостаточную осведомленность о событиях, какие происходили в Новгороде в апреле–мае 1615 года. Он ничего не сообщает ни о новых попытках Э. Горна склонить новгородцев к унии со Швецией, ни о посылке Я. Боборыкина и М. Муравьёва в Выборг. Неосведомленностью автора следует объяснить и неточности в рассказе. Неясно, что это за список, в

⁶⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 9.

⁷⁰ Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. I пол. СПб., 1910. С. 139; Соловьёв С. М. История России с древнейших времен Т. 9. Изд. 4. М., 1885. С. 88.

котором были написаны все неправды шведов. Нам известно другое – «Тихвинские стрелцы Иванова приказу Шипилова Степановы сотни Оклачеева, Безсонко Матвеев да Жданко Исаков», отправленные московскими послами из Тихвина «под Ладогу» для вестей, по возвращении своем 13 июня 1616 г. сообщили послам: «...архимарит деи Спасской посажен в Новгороде в заключение, а велел деи его Яков (Делагарди. – Г. З.) посадить в заключение для того, что он из Нова города отпустил наперед себя на Тихвину сестру свою да и для де тово: как де пришли по него в монастырь Ирик Андреев да Гриша Собакин, и у него-де взяли в келье челобитную, писана от новгородцкого митрополита и от нево и от всяких людей; а в той деи челобитной написаны Якова Пунтосова неправды». Стоит отметить, что это известие подтверждено было выходцами из Новгорода – монахами и посадскими людьми, прибывшими к послам в Тихвин 22 июня 1616 года⁷¹.

Дальше. Шведам, действительно, было известно, что послы в Москве били челом царю, но у нас в руках нет свидетельств, чтобы послов за это челобитье подвергли в Новгороде репрессиям. Равным образом мы не нашли в достойных источниках подтверждения того, что дьяк Петр Третьяков писал из Москвы шведам. Нам известна отписка Д. И. Мезецкого с товарищами царю (получена в Москве 20 февраля 1616 г.), в которой послы сообщали, что 23 января изменник царю новгородец Михайло Климентьев отъехал к шведам. По словам послов, Делагарди, владевший до известной степени русским языком, расспрашивал М. Клементьева «на одине».

Из челобитной Я. Боборыкина царю также узнаём, что во время переговоров о мире с Делагарди, «с посольства... отъехал от государственных послов к Якову Пунтусову жилец Михалко Клементьев, а был де он свом по жене Петру Третьякову и жил де у нево»⁷². Наверное, Клементьев передал Делагарди многое, что было ему известно от П. Третьякова о московских делах. Вот источник сведений шведов. Добавим, что измена М. Клементьева, свояка П. Третьякова, не помешала, однако, последнему занимать в 1616 г. высокий пост в Московском государстве: на заседании земского собора 12 сентября 1616 г. Третьяков выступает в качестве «посолского думного дьяка»⁷³.

В итоге мы полагаем, что в настоящее время, когда исследователи располагают актовым материалом, едва ли позволительно повторять без критики мысли автора «Нового Летописца», как это делает С. М. Соловьёв.

⁷¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 7.

⁷² РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1616 г. № 1 и 12.

⁷³ *Замятин Г. А.* Два документа к истории земского собора 1616 г. // Труды Воронежского университета. Т. 1. Воронеж, 1925. С. 299–310.

* * *

Нельзя не поставить вопроса: каковы же результаты такой настойчивой политики шведов в отношении унии Новгорода со Швецией? Разумеется, угрозы, крайне тяжёлые подати, возможность избавиться от них, – всё это не могло не действовать на новгородцев: некоторые заколебались... Мы имеем интересное показание переводчика Павла Томосова. В сентябре 1615 г. Томосов рассказывал в Москве: «А князь Микифор Мещерский крест целовал королю и дворян всех на то уговорил, – только де иные дворяне по неволе, на них глядя, хотят королю крест целовать. А крепятца де в Нове городе толко митрополит да боярин князь Одоевской да Семён Лутохин да посадские люди средние и мелкие, а лутчие посадские люди и гости одни совет с Мещерским, а зговорил де их Богдан Шорин, а вместил де в них ту статью князи Микифор Мещерский, что целовать крест королю потаместа, покаместа Новгород за королём побудет, из Нова де города их не выводить»⁷⁴.

Казалось, надежды Горна, высказанные им в письме к королю 27 апреля 1615 г., начали сбываться. Выходит, что немало людей из разных слоев новгородского населения под угрозами шведов подались в их сторону. Горну так хотелось добиться унии Новгорода со Швецией, что он даже мечтал о беседе короля с английским послом, Джоном Мерриком, по вопросу, «может ли состояться присяга», которой желает король от новгородских земских чинов⁷⁵. И всё же обстоятельства складывались не в пользу шведов.

В июле месяце 1615 г. Горн был с войском уже под Псковом, там его и убили в стычке 30 июля 1615 года. После отъезда Горна из Новгорода мы не слышим о попытках шведов принудить новгородцев к унии со Швецией. В грамоте царю 28 августа 1615 г. (1615 г.) Джон Меррик сообщает, что новгородцам «о крестном целованье теперь не докучают»⁷⁶.

* * *

Нам остается сказать несколько слов о значении посольства. В. А. Фигаровский утверждает, что, посольство Киприана в Москву явилось исходным моментом последующих мирных переговоров, закончившихся Столбовским миром⁷⁷. С таким мнением нельзя согласиться. В. А. Фигаровский упускает из виду переписку шведских военачальников с московскими боярами, он ни словом не упоминает о дея-

⁷⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 9.

⁷⁵ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. № 20. С. 60.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1615 г. № 9.

⁷⁷ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. II. Л., 1937. С. 72.

тельности Джона Меррика, прибывшего в Москву ещё до новгородского посольства. В отписке земскому собору 1616 г. читаем: «...в прошлом во 123-м году по присылке аглинского Якуба короля и голанских и недерльнских владетелей и по челобитью Ноугородцково государства митрополита и всяких чинов людей великого Нова города съезжались государевы... послы... с свейскими послы... в Дедерине»⁷⁸. Порядок изложения в отписке позволяет сделать вывод, что московское правительство главную роль в мирных переговорах отводило посредничеству иностранных государств.

Следует говорить особо о значении посольства для московского правительства и о значении его для Новгорода. Для царского правительства наибольшее значение имели сообщения новгородских посланных о планах шведов и о настроении новгородцев. Это раз. Во-вторых, очень важны были связи, установившиеся между московским правительством и отдельными новгородцами: последние, например, Яков Боборыкин, находясь на съезде послов в стане шведов, постоянно ставил и в известность государевых уполномоченных обо всём, что хотели делать шведские уполномоченные. Это не могло не повлиять на ход переговоров о мире.

Большое значение имеет посольство в Москву для Новгорода. Само отправление посольства в Москву означало перемену политической ориентации новгородцев. По возвращению посольства из Москвы новгородцы снова почувствовали опору под ногами. Это придало им мужества в борьбе против унии; это же дало им возможность совсем отказаться от шведского королевича в 1615 году.

Зато Швеция от посольства много проиграла. Посланные из Новгорода откровенно рассказали в Москве, что шведам нужен мир, *es ipso* открыли Ахиллесову пятю Швеции. Московское правительство, правда, решилось на переговоры о мире со шведами, но путь был выбран не тот, о каком думали шведы: царское правительство повело переговоры о мире со шведами через посредников. Переговоры затянулись к невыгоде для Швеции. Осенью 1615 г. Густав II Адольф попытался было захватить силой Псков, но безуспешно.

Так Швеция, строившая грандиозные планы в отношении своего восточного соседа, на деле терпела одну неудачу за другой: планы не соответствовали реальным силам этого государства.

⁷⁸ Замятин Г. А. Два документа к истории земского собора 1615 г. // Труды Воронежского университета. Т. I. С. 304 и отдельный оттиск. С. 6.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТПОВЕДЬ ДУХОВЕНСТВА, ДВОРЯН, ДЬЯКОВ, ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ И ГОСТЕЙ НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВА ЭВЕРТУ ГОРНУ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ УНИИ НОВГОРОДА СО ШВЕДИЕЙ 1615 г. ПОСЛЕ 27 мая

Пресветлейшего и высокорожденного государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича свеского, готцкого, вендейского отчинного князя и архуца судерманлянского, иерякейского и варменлянского, також и ноугородцкого государства, богомолец прес(вя)щенный Исидор митрополит, и игумены, и весь освященный собор, да боярин и воевода князь Иван Никитич Большой Одоевской, и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и гости ноугородцкого государства королевского величества боярину и большому ратному моршалу Эверт Карлусовичю Горну противовопросных речей даём отповедь.

В нынешнем, государь, во 123-м году мая в 27 ден говорил нам в соборе ты, великий боярин, что-де пригнали к тебе от велеможного и великорожденного князя и государя государя короля Густава Адольфа Карлусовича многие гонцы о том, на чем мы, ноугородские люди, хотим стояти и как за нас государю королю стояти и ратных людей посылати, и о чем нам ты, великий боярин Эверт Карлусович, по зиме говорил,

и то-де нам ведомо, и в те-де поры мы били челом о том, чтоб послат к Москве о добром деле;

да будет московские люди за доброе дело не примутца, и мя-де хотели ко государю королю;

и московские-де люди возгордели; а ныне-б-де тебе великому боярину нам дати отповедь, ко государю ли королю к Густаву Адольфу Карлусовичю мы ноугородские люди хотим или к недрузем.

И на то, государь, тебе боярину и большому ратному маршалку Эверт Карлусовичю Горну ответ. Твой (твой?) государь, великого боярина речи, что ты говорил нам по зиме, а после того в апреле, и, написал о том, велел нам отдати, и то, государь, нам ведомо,

и противо того всего совету дали тебе великому боярину писменные ответы и о том, на чем мы, ноугородские люди, хотим стояти и о обороне нам от его королевского величества и про ссылку нашу с московскими людми, о чем ныне и ты, великий боярин, в своих речех поминаем, мы в тех же своих ответах писали.

Да и ныне еще тебе, боярину и большому ратному маршалку Эверту Карлусовичю Горну чиним отповедь, что мы, ноугородцкие всяких чинов люди, стояти хотим во всем по своему прежнему крестному

целованью, на чем договорилис и укрепилис крестным целованьем и записи королевского величества с вами великими бояры,

и государю великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю по тому ж крестному целованью и по утверженью служим во всём вправду безе всякие хитрости,

а велеможного и высокороженнаго князя и государя короля Густава Адольфа Карлусовича по государе своем королевиче пресветлейшем и высокороженном великом князя Карлуса Филиппа Карлусовиче, а его королевского величества по сердобительном брате, и за милосердное его королевского величества и нам призрен(ь)е и оборону имеем оборонителем вместо его королевского величества сердолобительного отца блаженные памяти государя короля Карлуса Густавича,

о том мы в прежних своих ответах писали ж.

А мимо государя своего королевича пресветлейшего и высокороженнаго великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича мы, ноугородцкие люди, по своему крестному целованью и по утверждённим записем иного государя не хотим и королевского величества к недрузем приставати никакими обычаи не хотим же,

про то, государь, и тебе великому боярину и болшому ратному маршалку Эверту Карловичю Горну ведомо, что в нас никакие хитрости нет, во всем и пос(я)места стояли по своему крестному целованью крепко безе всякие хитрости.

А к московским, государь, людем мы, ноугородцкие люди, писали и посланников своих посылали, взяв в том повольность у тебя, боярина и болшого ратного маршалка у Эверта Карлусовича Горна, для того, чтоб доброе посредие меж государств учинити и кровопролитию хрестьянскому престати:

и московские люди к нам с теми ж нашими посланники писали, что государь де их о мирном постановенье с велеможным и высокороженным государем королём и великим князем Густавом Адольфом Карлусовичем послы своими и посланники сослатися хочет;

и англинского государя короля про посла оно в той же своей грамоте к нам писали, что де англинский посол идет к велеможному и высокороженному государю королю к великому князю Густаву Адольфу Карловичю о добром посредие меж государства.

А в чем московские люди возгордели, и то, государь оне чинят не с нашего совету и думы.

И ответу мы за московских людей ни в чём не даём, и дати нам ответ пелзе, занеж они с нами не в соединенье и не под единым государским кровом.

А что ты же великий боярин говорил нам, что королевского величества людми от московских людей боронитца, коли оне наезжают, и в том волен бог да государь король Густав Адольф Карлусович и государь наш королевич пресветлейший и высокороженный великий князь Карлус Филипп Карлусовичь, и вы, великие бояре;

а мы, ноугородцкие люди, противо королевского величества и государя своего королевича пресветлейшего и высокороженного великого

князя Карлуса Филиппа Карловича недрузем по своему крестному целованью стояти ради вместе королевского величества с людми,

а по утверженью, как обе стороны у наса с вами, великими бояры, утвержёное, королевского величества от людей никакого зла не чаем и сами королевского величества над людми никакого зла не дельвали и вперед делами не хотим

и по своему крестному целованью и по преж именованному утверженью с вами, великим бояры, во всём мы, ноугородцкие люди, стояли и пося места крепко и впередь такоже хотим крепко (наверное: стояти. – Г.З.) безо всякие хитрости.

На двух сставах.

*Стокгольмский государственный архив. Muscovitica.
Handlingar ang. Hertig Carl Philipps utväljande till tsar 1612–1616.*

**ОТВЕТ
ПЯТИКОНЕЦКИХ СТАРОСТ И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ
НОВГОРОДА НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ Э. ГОРНА ПРИСЯГНУТЬ
ГУСТАВУ II АДОЛЬФУ 1615 г. ПОСЛЕ 27 мая**

Лета 7123-го мая в 27 ден говорил боярин и воевода Эверт Карлусович Горн ноугородцким пятиконецким старостам Кирилу Молодожнику да Григорью Калинину с товарищи и всем ноугородцким посадским людем, чтоб целовати крест велеможному и высокороженному государю Густав Адолфу королю.

И мы ноугородцкого государства пятиконецкие старосты и лутчие и середние и молотчие оставшие людишки тебе, великому боярину и большому ратному маршалку, Эверт Карлусовичю Горну, покорно ответ чиним.

Как бог поручил ноугородцкое государства Королевскаго величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делагарду, Софейскую сторону взял взятьем,

а Каменново города и Торговые стороны гости и пятиконецкие старосты и лутчие и середние и молотчие люди самовольно крест целовали государю своему пресветлейшему и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю на том, что быти ему на новгородцком государстве государем царём и великим князем, а нам, посадским людем, охране его государя своего иного государя не подыскивати и во всём ему государю добра хотети.

А боярин и большой ратный воевода Яков Пунтусович Делагарди укрепился – клятвою святым евангелием, что ему ноугородцково госу-

дарства под свейскую поруку не подводити и великих налогов на нас не накладывати,

и мы ноугородские государства гости и пятиконецкие старосты и лутчие и середние и молотчие люди по своему крестному целованью стоим крепко и неподвижно,

окроме государства своего пресветлейшего и высокорожденного государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича иного государя не подыскиваем и повеленья его государя своего, во всем твоим и по вашему боярскому велению в корм неметцким ратным людем многие денги и по се время платим,

и от тех великих податей мы, посадские люди, до конца оскудели и три доли посадских людей от великих налогов померли напрасною нужною смертью,

а мы, оставшие посадские людишки, от великих податей всего своего животишка отбыли, а от государя своего королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича по своему крестному целованью не отступали и вперед в своём крестном целованье хотим стоять крепко и неподвижно.

А будет государь наш пресветлейший и высокорожденный государь королевич и великий князь Карлус Филипп Карлусович велит нам на своё государево имя крестное целованье подкрепить, и мы ему государю своему чистыми душами крест целуем противу своих прежних утверждённых записей, а окроме его государя своего нам иного государя не подыскивати.

Да и преж сего у нас о том дан писменной ответ за отцов наших духовных и за нашими руками.

На двух сставах.

*Стокгольмский государственный архив. Muscovitica.
Handlingar ung. Hertig Carl Philipps utraljande till tsar 1612–1616.*